

Мирный образ
**ежы сказкой
и ганьше**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дмитрий Образцов

Между сказкой и дальше

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57561608

SelfPub; 2024

Аннотация

Что делать, если прекрасную принцессу похитил дракон? Разумеется, найти благородного рыцаря и отправить его за ней! Но что делать, если принцесса для многих далеко не прекрасна, рыцарь благороден только по происхождению, да и дракон – не совсем дракон? Чего ждать, если спасение девушки из лап чудовища становится политической игрой, где многие кукловоды и их куклы норовят ухватить свой кусок? Это уже не сюжет сказки или легенды – это то, что потом укажут в исторических хрониках как события, послужившие началом чего-то великого. Это не сказка и не реальность – это нечто дальше. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

124

Дмитрий Образцов

Между сказкой и дальше

Пролог

“Благодаря долгому и тщательному изучению истории королевств, я смело могу утверждать, что драконы и им подобные чудовища никогда не обитали в Дестриморе. И потому встретить их можно только в легендах и сказках”

“История и обычаи королевств людей”, Гральдо Пинрад

“Когда я только приехала жить в Корлимар, то не ставалась с книгой Пинрада, полностью ей доверяя. Но уже через две недели я поняла, что все, написанное в этой книге – либо бред, либо ложь”

Ифиса

Когда пройдет время, и от этих грозных событий останутся лишь воспоминания, будут говорить, что все начиналось именно так:

...По голубому безоблачному небу, освещенному лучами восходящего солнца, летел дракон. Иссиня-черный, с темно-фиолетовым чешуйчатым брюхом, он был огромен. Его крылья – как и положено всем драконам, перепончатые, будто у летучей мыши – лениво рассекали холодный воздух.

Птицы, пролетающие под его покрытым грубой кожей брюхом, с испуганным клекотом стремились убраться куда подальше. Но он не обращал на них внимания.

Вообще-то драконы в Дестриморе встречались редко. Настолько редко, что многие считали их, вместе с прочими чудовищами, вымыслом. Но вымысел – понятие относительное, поэтому наиболее глупые, а также – парадокс! – наиболее умные не отрицали существования чего бы то ни было. Вторые лишь осторожно указывали на отсутствие доказательств, а первые и не задумывались о таких вещах.

Дракону было скучно, но оно и понятно – ведь он летел уже вторые сутки. Это не являлось для него чем-то трудным, но утомляло – как, впрочем, утомляло любое однообразие. А единственным его развлечением было смотреть вниз, наблюдая за меняющимися пейзажами.

Дракон миновал территорию Сважгеры, о чем свидетельствовали оставшиеся позади заросшие соснами холмы, и сейчас рассекал небо над королевством Темилиан. Под его брюхом мелькали нитки рек, поля и луга, обширные леса. То и дело дракон различал темные пятна городов, но не волновался, что люди внизу увидят его – он летел на такой высоте, что его можно было принять за птицу.

Далеко на востоке что-то ярко заискрилось. Скорее всего, дракону это показалось – отсюда он не мог увидеть находящуюся в тех местах реку Нивдин, одну из крупнейших рек Дестримора, вдоль которой растянулось соседствующее с Те-

милианом королевство Оргамеония. Нет, ему определено померещилось.

Сама по себе Оргамеония была королевством небогатым, ведь располагалась в весьма незавидном месте. Растянувшись в линию от самого севера до крайних восточных отрогов Дольних гор, она служила щитом, загораживающим королевства, расположенные западнее. А защищаться, стоит отметить, было от кого. Ведь территория, которая начиналась за Нивдином, была очень опасной. И... неправильной.

За Нивдином начинался желтоватый простор сухих трав, тянувшийся, казалось, бесконечно. Это место, которым с научной точки зрения интересовались уже давно, называли Степью. Ученые всех королевств, изучая рассказы путешественников – в основном храбрых оргамеонцев – почти сразу обратили внимание на большую странность. Местность Степи, северной или южной, всегда описывалась одинаково, будто на нее не действовали обычные законы географии. И климат, судя по всему, везде был одинаковым. О, немало ученых отправлялось лично исследовать этот феномен и найти разгадку, но ни один из них не возвращался.

Зачастую причиной этому были свирепые злычи, что обитали в Степи и кочевали с места на место на огромных передвижных деревянных крепостях, движимых могучими великанами-волотами. Много горя принесли людям эти жестокие варвары, их опасались и ненавидели. Но ученых это не останавливало: они шли в Степь и – пропадали.

Большинство их приезжало из соседнего с Оргамеонией южного государства – Корлимара – самого богатого и спокойного во всем Дестриморе.

Таким оно являлось еще со времен Империи, существовавшей на месте нынешних королевств. Тогда территория Корлимара была ее центром, и в него съезжались лучшие люди из провинций. Кроме того эта местность обладала плодородной почвой и теплым климатом, позволявшим получать по несколько обильных урожаев в год.

Но земли этого богатого королевства дракон увидел лишь на следующий день, когда перелетел через Одрен, один из притоков Нивдина, разделявший на севере Корлимар с Темилианом. Узнать его было нетрудно по окружающим реку болотам.

Когда дракон оставил Одрен позади, он стал опускаться ближе к земле. Теперь ему стали видны отдельные дворы в деревнях и отряды людей на дорогах, обширные стада коров на зеленых лугах. Крестьяне, замечая несущееся над ними черное чудовище, тут же стремились спрятаться.

На такую реакцию дракон и рассчитывал. Он уже наблюдал ее в первый день полета, дав себя увидеть на границе между Сважгерой и Оргамеонией перед тем как свернуть в сторону Темилиана. Но так и должно быть: волна слухов о прилетевшем с севера драконе должна расти вместе с его приближением к цели.

А целью его был Корлимар – столица одноименного коро-

Глава 1

“И тогда позвал старик своих детей, и положил перед ними четыре ветви дубовых, все разной длины. И сказал король: ”Дети мои любимые, не могу я никого из вас обидеть, обделив кого землею имперской. А потому тяните вы ветви, и кому какой попадется, тот и будет править землей, и чем длиннее прут – тем богаче земля”

И, помолившись, достали дети по пруту, и выпало каждому по земле имперской...”

Легенда о разделе Империи, отрывок

– Ну и орут же они, – Крено Мандер, стройный и осанистый мужчина приятной наружности, которую портили лишь холодные глаза, брезгливо поморщился, глядя в бойницу. Салют вновь временно утих – видимо, заряжали очередную партию. Вместе с ним перестала шуметь и собравшаяся на площади толпа, благодаря чему можно было говорить и быть уверенным, что твой собеседник тебя услышит.

Стоявший рядом Хандор Брог, пожилой и известный корлимарский полководец, добродушно усмехнулся в усы:

– Ну так дивятся, ясное же дело. Его Величество много денег потратил – на турнир, салют этот, пиршества для простого народа. Да и на гостей затраты большие, все венценос-

ные соседи пожаловали. И свита у каждого немалая...

– Так ради принцессы, – прищурился его собеседник, – Лобрив никогда не скупился.

– Но ведь сегодня не обычный День Рождения, – помотал головой Хандор, – Шестнадцать лет принцессе исполняется. Пора и женихов искать.

– Сложновато будет найти подходящую партию для нашей-то принцессы, – произнес Крено, внимательно глядя, не слышит ли их кто-то из пронырливых слуг. Но коридор был пуст.

– Его Величеству нет необходимости выгодно выдавать ее замуж.

– Значит, можно позволить себе поиск истинной любви, – последние слова Мандера были сказаны со смесью брезгливости и насмешки.

– А почему нет?

– Да потому что мало найдется людей, которые полюбят принцессу без приданного, – скептически промолвил Крено, – Ведь известно, что она со многими... хм, странностями. Думаю, и ты об этом слышал.

– Слышать слышал, – лицо Хандора посуровело, – Но сплетен повторять не буду.

– Но спорить со мной не станешь? Об ее увлечениях известно всем, да и поступает принцесса, как ей вздумается. Даже отец ей не указ.

– Он любит ее, – весомо заметил Хандор, – поэтому – все

ради дочери.

– Увы, это так.

Салют и крики возобновились, и говорить вновь стало невозможно.

* * *

В ночное небо с грохотом взлетали дымящиеся огни, которые через мгновение с треском превращались в яркие, сияющие цветы – красные, золотистые, зеленые... Ночь перестала казаться ночью, Корлимар посветлел, и люди могли видеть лица друг друга – радостные и удивленные, у некоторых, что явно выдавало приехавших в столицу крестьян, испуганные. В свежем воздухе все отчетливее чувствовались запахи дыма и серы, но на это никто не обращал внимания.

В столице праздновали. Праздновали роскошно, без оглядки на затраты, почти как в прежние, благословенные имперские времена. Простой люд шатался от площади к площади, распевая песни и гуляя напропалую. Кто-то, однако, уже не мог гулять, так как спал в кустах возле домов или во дворах, и разбудить их не смогли даже залпы салюта, каждый из которых неизменно сопровождался ревом множества глоток.

Поводом подобного торжества было 23 зарева^{1*} – шестнадцатилетие принцессы Гейары Дестирской, дочери короля

¹ * августа.

Корлимара Лобрива VII Дестирского. Из-за этого в столицу было приглашено огромное количество гостей. Самые знатные из них жили во дворце – здании красивом и древнем, со множеством пузатых, но не лишенных изящности башен. Нижние его этажи, королевский парк и большой внутренний двор окружала толстая стена, служившая явно не для украшения. Да и вообще, дворец удивительным образом сочетал в себе прочность и красоту, и, несмотря на обилие статуй возле куполов и барельефов на стенах главной части комплекса, взять его штурмом было бы очень непросто. И история знала несколько подтверждений этому.

Сейчас гости Лобрива наслаждались салютами, стоя на широком балконе, расположенном в верхней части дворца. Отсюда можно было войти в огромную залу с каменными колоннами. Свет сотен свечей в хрустальных люстрах отражался от золотых узоров на стенах, заливая собой разноцветные плиты пола и три длинных стола из резного дерева, на которых сверкали тарелки и кубки, наполненные изысканными едой и напитками. По желанию принцессы решили обойтись без предписанных традициями объявлений перемен блюд – слуги, неслышными тенями скользившие по зале, безмолвно приносили и уносили угощения, одно другого причудливее.

Радовали взгляд пирующих куски свинины с горчицей, вальдшнепы с зеленью, мортрус^{2*} и похлебки. Аисты и дрофы соседствовали с фруктами и овощами, а кролики и олени

²* блюдо из курицы и свинины с тертым хлебом и специями.

– с редким и очень дорогим осетром. Говоря о рыбе, нельзя не упомянуть о запеченной сельди с сахаром, лососе под соусом и щуке с галантином^{3*}. Дополняли это разнообразие дорогие сорта пшеничного хлеба, морепродукты, привезенные из далекой Маргитории, и, разумеется, всевозможные напитки.

Здесь стояли вина, способные угодить любому пожеланию гостя – даже знаменитое “Кровь земли”. Не было недостатка в пиве и медовухе – разумеется, привезенных из Темилиана. А более крепкие напитки, тоже находившие своего почитателя, поставлял север.

Но пир продолжался так долго, что большинство гостей уже отошли от столов и сейчас наслаждались салютом или прохаживались по зале, флиртуя и сплетничая. Ибо блюд было настолько много, что даже попробовав от каждого из них кусочек, можно было наесться, так и не отведав всего. Однако корлимарский барон Пульдихий Терит всячески старался доказать несправедливость этого утверждения, прочно осев за столом и требуя все новых яств.

Его поведение вызывало брезгливость сидящей на почетном возвышении принцессы Гейары. Ярко-алое платье с золотой вышивкой и квадратным вырезом подчеркивало ее хрупкость и болезненную худощавость.

Не обращая внимания на окружающие ее блюда, принцесса занималась тем, что покачивала кубок с налитым в

^{3*} в Средние века галантином назывался соус из сухарей, уксуса и специй.

него вином весьма специфичной по вкусу марки, называемой “Андликаль”. Ее глаза рассеянно наблюдали за бликами на вишневой поверхности жидкости, а лицо выражало презрение и скуку.

Спустя много лет, описывая принцессу Гейару, одни летописцы скажут, что дочь Лобрива VII была изумительной красавицей, другие же – что жуткой уродиной. Ведь странная и противоречивая внешность девушки никогда не вызывала у окружающих однозначного мнения. Ее маленькие черные глаза, обычно смотревшие на всех с вежливым равнодушием, в ком-то пробуждали восхищение, а в ком-то – совершенно противоположные чувства. Бледное и гордое лицо принцессы, обрамленное густыми смоляно-черными прядями волос, казалось порой противоестественно взрослым, что совсем не вязалось с прелестным вздернутым носиком и по-детски пухлыми щечками и губами. Одни поносили ее худобу, другие из-за нее же считали принцессу идеалом красоты – чистой и невинной.

В отношении же характера Гейары таких споров никогда не возникало – во всех кругах общества ее считали странной.

Лобрив VII Дестирский совершенно не походил на свою дочь. Он был высоким, привлекательным мужчиной: как и все представители его рода, король обладал крепко сложенным телом и красивым лицом с аккуратно причесанными каштановыми волосами.

Нос короля был крупным, губы – тонкими, а глаза – ка-

рими, и лишь в отдельных чертах лица можно было уловить сходство отца с дочерью – девушка определенно пошла в мать.

Еще больше различий было не во внешности, а в характерах короля и принцессы. Если Гейару недолюбливали из-за многочисленных и неприятных слухов, то своего повелителя простой народ любил, считая добрым и великодушным, а аристократы, не отрицая этих качеств, замечали также и его мягкость, рассудительность, а иногда и чрезмерную осторожность. Этому способствовала гибкая политика Лобрива, который, в отличие от своего воинственного отца, избегал конфликтов с соседями.

На такой добрый характер, как думали некоторые, сильно повлияла случившаяся с Лобривом трагедия. Шестнадцать лет назад его супруга, королева Осэрия, погибла при родах Гейары. Несколько дней после этого король вел себя, словно безумный, но его придворный врач и верный друг – лекарка Ифиса – помогла пересилить эту потерю. После этого Лобрив полностью посвятил себя дочери, и, по мнению окружающих, баловал ее невероятно.

В данный момент король Корлимара, на голове которого посверкивала крупными сапфирами корона, сидел на одном из выставленных в полукруг кресел. Их специально принесли в один из углов зала, откуда прекрасно было видно небо с взрывающимися там салютами, чтобы венценосные особы могли комфортно поговорить друг с другом с глазу на глаз.

Сейчас кроме Лобрива в креслах сидели двое мужчин, на которых король Корлимара смотрел, поглаживая ожерелье из золотых пластин с подвеской в виде грифона.

Один из сидящих около него был высоким блондином с короткими волосами и красивым благородным лицом. На его статную фигуру то и дело обращали внимание дамы. Это был известный покоритель женских сердец, король Оргамеонии Звалькир Серионский по прозвищу Красивый, приходящийся Лобриву родственником.

Это родство обуславливалось уже упомянутым распадом Империи. Тогда умирающий император Ардинэльд Добрый разделил свое государство на четыре королевства – Корлимар, Оргамеонию, Темилиан и Сважгеру, весьма необычным способом поделив их между тремя сыновьями и дочерью. Лобрив со Звалькиром были потомками двух сыновей императора – Дестира и Сериона II соответственно.

Другой собеседник Лобрива, хоть и очень походил на человека, даже при беглом взгляде быть им не мог. Ведь почти нет людей, у которых кожа идеально гладкая и чистая. Ни один человек никогда не мог бы иметь настолько правильное телосложение и сверкающие волосы, цветом сравнимые со светом солнца. И уж тем более нет такого представителя рода людского, у которого бы глаза сияли, будто яркие драгоценные камни.

И потому любой, увидевший этого сухощавого и поджарого мужчину, не усомнился бы в том, что это не человек.

И абсолютно справедливо – ведь собеседником Лобрива был летэв, и более того – сам повелитель этого народа, великий Рианилл Ластавлский.

Он носил облегающую свободную тунику из нежной гладкой ткани белых и желтых цветов – одних из самых любимых и популярных у этого древнего и благородного народа. На ней были вышиты замысловатые узоры золотой нитью, а края одежды были обрамлены маленькими стеклышками.

Над площадью вновь начало грохотать, на плиты балкона и залы упали новые тени. Ночь была теплой и безветренной, луна ярко светила, не затмеваемая даже взрывами салюта.

Пульдихий продолжал есть, и несколько гостей из корлимарских дворян хотели присоединиться к нему, но, увидев мимолетом брошенный на них взгляд Гейары, отказались от этой идеи и поспешно отошли.

Ни Лобрив, ни его собеседники не заметили этого, поглощенные дружеской и достаточно откровенной беседой, не боясь быть подслушанными, так как большинство гостей предпочитало стоять на балконе, наслаждаясь удивительной красоты вспышками салюта. Ведь заряды, хоть никто из зрителей знать этого не мог, готовились для короля Корлимара мастерами-алхимиками, потратившими на них немало времени и сил – затребовав, однако, не меньшую сумму.

Внезапно Лобрив, оторвавшись от разговора и взглянув на Гейару, поднялся, слегка поклонился собеседникам и подошел к столу. Постояв и в задумчивости посмотрев на

нетронутые закуски, король сел рядом с дочерью. Этикет не позволял ему даже прикоснуться к ней на людях, но велико было желание приобнять Гейару и успокоить – такая тоска читалась на молодом девичьем личике. Вместо этого король Корлимара лишь тихо спросил:

– И почему ты такая грустная? Вокруг праздник и веселье, и ты – их причина, но ты вовсе не выглядишь веселой. Что случилось? – его голос, обычно звучный, сейчас был приглушенным и мягким, карие глаза смотрели тепло и приветливо.

Гейара повернулась, тонкой рукой нервно поправила волосы:

– Со мной все в порядке, но мне скучно. Я понимаю, что празднование моего рождения для тебя лишь повод встретиться со своими уважаемыми друзьями, – нежный голосок был полон сарказма, – и решить немало важных проблем. Я понимаю, но мне противно улыбаться каждому корольку или графу, бегая между ними и тряся подолом платья. О, демоны, почему я должна притворяться, что мне нравится это... – Гейара бросила раздраженный взгляд на продолжавшего жевать барона, – Я принцесса или нет?!

Лобрив посерьезнел, заговорил строже:

– То, что ты принцесса, не подлежит сомнению. И как у принцессы, у тебя есть определенные обязанности, которые, хочешь ты того или нет, надо исполнять. Я и так стерпел твою вчерашнюю выходку, и вовсе не хочу, чтобы что-то по-

добное повторилось.

– Я не... – начала было Гейара, но отец тихо прервал ее, посмотрев на Пульдихия:

– И тебе стоит почтительнее относиться к нашим гостям. В конце концов, все мои переговоры я веду только ради тебя, потому что хочу оставить тебе хорошие отношения с нашими соседями, ведь только тогда мы сможем жить в мире, едва-едва сложившемся после недавней войны моего отца, твоего деда. И ты должна догадываться, какие крупные споры были между потомками детей Ардинэлда во время раздела Империи. Тогда все обошлось относительно малой кровью, но это не значит, что все нынешние правители отказались от своих амбиций, лелеемых еще их предками. А каждый король, да и просто знатный вельможа, чрезвычайно горд и обидчив. Любое твое неосторожное слово или даже жест они могут воспринять как оскорбление – а история знает немало таких случаев. Я люблю тебя, но сейчас началась взрослая жизнь, жизнь будущего правителя. Ты уже должна понимать то, что с рождения была фигурой на этой сцене, и к тебе давно присматриваются. Потому, хоть я и многое тебе позволял раньше... Теперь пора меняться – детство кончилось. Потому не смей так говорить про гостей. Хотя бы при людях, – добавил он мягче, – Они...

– Ах перестань, – скривилась Гейара, – Меньше всего в свой праздник, до окончания которого и так осталось лишь два, или даже меньше, часа, я хочу слушать о всех этих...

венценосцах. Если бы ты только знал, как мне скучно. Уж лучше бы я сидела в своих покоях, чем здесь.

– Но это невежливо – прятаться от гостей.

– Чьих гостей, отец? Я никого не приглашала, но, по-моему, любой мало-мальски титулованный толстяк заявился сюда сегодня.

Оба невольно посмотрели на Пульдихия, но Лобрив тут же повернулся к дочери:

– Я же говорил, что...

– Помню-помню, – перебила его Гейара, – “Не говори так презрительно про гостей, они хорошие”, *et cetera et cetera*^{4*}. Постараюсь сдерживаться, но не требуй от меня невозможного. Я ведь могу получить хоть немного удовольствия в этот день, верно? Хотя бы капельку?

– Разве ты не рада полученным подаркам? – Лобрив говорил по-прежнему мягко и ласково.

– Сказать по правде... – Гейара осушила кубок, со стуком поставила его на стол, – Так себе подарочки. Кроме тебя да Ифисы никто не преподнес ничего стоящего.

– Остаются еще короли, – напомнил Лобрив.

– Скорее всего, и от них ничего дельного не будет – очередная дорогостоящая побрякушка. И цена будет зависеть только от их щедрости или жадности, – принцесса рассуждала холодно и спокойно, – Когда уже этот балаган закончится и я смогу уйти?

⁴ * и так далее и так далее (*лат.*).

– Минут через десять будет торжественный выезд, – ответил ее отец, чуть задумавшись, – потом финальное пиршество и конец.

Гейара намеренно явно застонала и сморщилась.

– Послушай, таковы традиции, – попытался успокоить ее Лобрив, – Их невозможно поменять.

– Именно мы и можем, – скривила пухлые губки принцесса, – Ты же король, и твой закон и твое желание выше всех прочих правил.

– Не всегда, – невесело произнес ее отец, – Далеко не всегда.

– Поскорее бы уже этот “праздник” закончился, – буркнула Гейара, насупившись и обращаясь скорее сама к себе.

Лобрив лишь вздохнул. Словно эхо, вслед за ним вздохнул и Пульдихий, горестно потянувшись к пирожным с кремом.

Фейерверк тем временем не прекращался, полностью завладев вниманием собравшихся. К Рианиллу и Звалькиру подсел Крадлин Зельгрино, принц-наследник Блаадена. Его королевство, никогда не входившее в Империю, находилось на северо-западе Дестримора. Это был суровый холмистый край с могучими сосновыми лесами и чистыми озерами, в холодное время покрывавшимися тонким льдом. И люди там жили подходящие – решительные, спокойные и гордые.

Могучая фигура принца явно говорила о том, что Крадлин был хорошим воином и настоящим атлетом. На его спо-

койном и непроницаемом лице лишь легкая улыбка свидетельствовала о симпатии к своим собеседникам. Как и все северяне, Крадлин славился своей молчаливостью, но в отличие от других представителей своего народа его заплетенная борода была не светлой, а черной, с поблескивающими кое-где золотыми бусинами.

– Какая жалость, что твой отец не сумел приехать, Крадлин, – с оттенком грусти говорил тем временем Звалькир. Его печаль являлась искренней – все знали, что короли Оргамеонии и Блаадена были старинными друзьями.

– Отцу нездоровится, – коротко бросил блааденский принц.

– Надеюсь, что скоро он поправится, – произнес Рианилл негромко. Его голос всегда звучал будто бы с оттенком превосходства над собеседниками, кем бы они ни были.

– Состояние отца не тяжелое, поэтому не за что волноваться. Но он, – принц с почтением посмотрел на Звалькира, – просил меня узнать, как обстоят дела в Оргамеонии. Его очень это беспокоит.

– Я хотел рассказать об этом еще при Лобриве, но не успел, – ответил почти сразу король, искоса глядя на Рианилла, – В Степи снова зашевелились злычи, наши разведчики заметили скопления их крепостей около Нивдина. Судя по знаменам, там собралось несколько крупных вождей. Скорее всего, они готовят вторжение.

Рианилл покачал головой:

– Мне уже известно это. Наш общий знакомый, гроссмейстер ордена Стального Солнца, написал мне, как только его разъезды стали замечать необычное оживление среди матохов.

Король летэвов говорил об ордене странствующих рыцарей, которые образовывали небольшие отряды и уходили в Степь воевать со злычами во славу Афларо, бога Солнца и отца летэвов. Их целью и кредо было полное уничтожение жителей Степи, их девизом: “Да поразим мы неверных стальными лучами”.

– Гроссмейстер считает, – продолжал Рианилл, – и я с ним согласен, что это не обычный налет. Матохам не свойственно собираться вместе, они слишком своевольны. Если сведения верны, то нашелся чрезвычайно сильный, обладающий сильной волей лидер. Сии порождения тьмы не имеют права существовать, не говоря уже о том, чтобы беспокоить верующих людей. Вы, – эти слова были сказаны с едва слышимым, но прекрасно ощущающимся нажимом, – должны что-то сделать, ибо орден мал. Потому я считаю, что стоит организовать на матохов совместный поход.

– Мы рады услышать подобное предложение из ваших уст, – с почтением поклонился Звалькир.

– Ваша Солнцеликость Рианилл, Ваше Величество Звалькир, Ваше Высочество Крадлин, – раздалось откуда-то сбоку. Венценосные особы слегка повернули головы и увидели с трудом поклонившегося в пояс герцога Альдредра Сангира,

как всегда, опирающегося на толстую трость.

– А, Альдред, – радушно отозвался Звалькир, улыбаясь, – рад видеть. Странно, что я вижу Вас лишь сейчас, хотя во дворце нахожусь уже второй день.

– Прошу прощения, но дела не позволяли мне вырваться на праздник, – ответил герцог. На его не лишенном приятности лице появилось выражение вины, губы слегка искривились.

Венценосные гости понимающе кивнули – все прекрасно знали, что герцог Альдред являлся alter ego самого Лобрива, приводя в действие большую часть всех законов королевства, и, таким образом, имея самую полную информацию о том, что в нем происходит. Почти столько же знал, пожалуй, разве что Крено Мандер, начальник Следственного Приказа.

– Я посмел потревожить вас лишь чтобы попросить вашего благословения, Ваша Солнцеликость, – обратился герцог к Рианиллу.

Тот некоторое время молчал, но наконец кивнул. Тогда герцог с тихим стоном опустился на одно колено, не обращая внимания на взгляды заметивших это гостей, и король летэвов провел рукой по голове Альдреда, начертив символ солнца.

Когда герцог отошел, Рианилл первым нарушил тишину, спросив:

– Но где же Лобрив? Сейчас он нужен нам здесь, ибо ма-тохи – вопрос важный, и касается всех.

– Король разговаривает со своей дочерью, – почтительно ответил Крадлин, – потому, с Вашего позволения, простим его. Ведь семья – это самое главное, что есть в этом мире.

– Но ведь ты не женат, – с легкой улыбкой возразил Звалькир, поправляя складку на плаще, – Потому слова из твоих уст о семье, хоть они и правдивы, звучат странно. Но, – он назидательно поднял указательный палец, – лучше уж быть неженатым, чем жить как король Ансмат. Мне так его жаль.

Все трое поглядели в сторону короля Темилиана. Ансмат Скалек, красивый безбородый мужчина с подстриженными по последней моде светлыми волосами стоял на балконе рядом со своей супругой, королевой Кселлой. Последняя, темноволосая женщина в расшитом золотом зеленом платье, подчеркивающим ее весьма привлекательную фигуру, была очень известна – в основном из-за своего отношения к мужу, которое вызывало немало толков в высших кругах общества.

Все знали о слепой и преданной любви Ансмата, знали и о том, как Кселла пользовалась этим.

* * *

– Я думаю нам уже пора собираться, – робко сказал Ансмат, глядя на Кселлу восхищенными голубыми глазами, под которыми были заметны небольшие мешки. По этому поводу среди многих дворян и слуг ходили непристойные однообразные шуточки.

Его супруга потянулась, откинув одеяло – и на мгновение король Темилиана ослеп от красоты обнаженного тела. Кселла поднялась с кровати, наклонилась поцеловать мужа и потянулась рукой к стоящему на столике колокольчику, требовательно в него позвонила. Почти сразу же из небольшой комнатки сбоку появилась молодая служанка с опущенными к полу глазами. Кселла подошла к зеркальному шкафу и ее неспешно начали одевать. Ансмаг приподнялся на локте, но не спешил вставать, наслаждаясь представившимся зрелищем. Его супруга и правда была хороша – это признавали все. Не очень высокая, но зато грациозная, она многих возбуждала своими плавными движениями. На ее широковатом лице блуждала улыбка – таинственная и привлекательная, так подходящая зеленым и лукавым глазам, прекрасным независимо от отражающихся в них чувств.

Когда служанка вышла, Кселла прошла на середину покоев и замерла, внимательно разглядывая узоры и лепку на стенах и потолке.

– А ведь красивый замок, – произнесла она мягко, будто мурлыкающая кошка. Бросив на мужа быстрый взгляд, королева негромко продолжила:

– И, подумать только, ты ведь мог бы жить здесь. И, следовательно, править Корлимаром. Как и Оргамеонией, как и Сважгерой. Ведь ты был бы императором. Анси, – она улыбнулась, – сколько истины в легенде о случайном наследовании? О воле случая?

Ансмат расцвел, мечтательно и глупо улыбнулся. Он быстро поднялся с кровати, подошел к ней и, положив дрожащую от возбуждения руку ей на талию, прерывисто заговорил, глядя в ее прекрасные глаза:

– Дорогая... Эта история передается из поколения в поколение во всех четырех королевствах, и везде она настолько схожа в мелочах, что большинство не сомневается в ее правдивости... Да, на смертном одре мой предок, император Ардинэльд, повелел своим детям бросить жребий, и согласно ему разделить Империю. Таким образом император хотел избежать возможной междоусобной войны. Кроме того, говорят, он очень любил всех своих детей, и не хотел кого-то обидеть. Но по воле случая каждому из наследников выпало то королевство, которое досталось бы и по праву первенства – Корлимар, затем Темилиан, Оргамеония и Сважгера. Ирония...

– Весьма жестокая, – отрезала Кселла, – Ведь Скалек была любимым ребенком Ардинэльда, что бы там не говорили. Если бы не жребий, сейчас ты был бы императором. Я люблю Темилиан, это мой дом, но... сам понимаешь...

– Понимаю, – нежно улыбнулся Ансмат, не дав ей закончить.

– Тем более, – продолжила Кселла, – даже если отодвинуть в сторону твои права, ты объективно лучше подходишь на роль императора. Не Звалькир же, вечно корчащийся из себя благородного, а на деле перепробовавший не меньше по-

ловины девушек своего задрипанного королевства.

– Но...

– И не Рэгдаф, – не дала перебить себя Кселла, чуть повысив голос, – полоумный маньяк, помешавшийся на своих мнимых правах на весь мир. Ну и, конечно же, не Лобрив. Он, признаю, хороший семьянин и добрый человек, но ведь тряпка! Даже дочь свою обуздать не может, а в политике-то нужна жесткость. А в тебе, – она нежно поцеловала его, но тут же отстранилась и твердо продолжила, – в тебе и во мне есть силы, необходимые настоящим императору и императрице.

– Ты действительно так считаешь? – рассеянно спросил Ансма, прижимая супругу к себе.

– Конечно, – мурлыкнула та, – И я уверена, что ты и сам хотел бы этого. Ах, – она выскользнула из объятий.

Ансмат сглотнул. Он любил ее всем своим существом, и ради нее был готов на все. Каждое ее движение было для него образцом грации, каждый ее вздох – мелодией в ушах, а каждый ее взгляд в его сторону... О, она была его богиней!

– Анси, – мечтательно говорила Кселла, сейчас демонстративно не глядя на мужа, – я всегда мечтала быть императрицей. Сидеть на высоком троне, в ослепительном платье! И чтобы рядом, – она наконец одарила Ансмата горячим взглядом, от которого он вновь заулыбался, – сидел император. Молодой, красивый, сильный, – она прикрыла глаза в немом восхищении, – Одним словом, ты, Анси.

Она страстно прижалась к нему.

“Ради нее, – подумал Ансмаг, – я сделаю все. Все, что она захочет”.

А потом все мысли оборвались, превратившись в один сладкий и кажущийся бесконечным сон.

* * *

– С чего это? – тихо спросил Звалькира Рианилл, – Ансмаг пусть и говорит только ее словами, но сам-то он счастлив. И я удивляюсь вам обоим, – надменно продолжил он, – ведь вы не простые люди, а представители королевских семей. И вы должны думать о том, что будет после вас, а кроме того, исполнять волю Афларо. Ансмаг женат, а Кселла молодая и способна иметь детей, поэтому волноваться за Темилиан в этом плане не приходится. А вот ваши королевства... Вы до сих пор не женаты, у вас даже нет невест. А ведь Афларо, наш отец, учил, что главное в жизни – это наше потомство и то, как мы его воспитаем.

– Ваша Солнцеликость, – чуткий слух смог бы разобрать в голосе Крадлина намек на смущение, – Вы совершенно правы, однако не стоит так волноваться. Мы еще успеем жениться и оставить наследников.

Звалькир пожал плечами. Рианилл промолчал, но было видно, что ему есть что возразить.

Действительно, поднятая королем летэвов проблема сто-

яла весьма остро, и при этом уже давно. В отличие от большинства своих подданных, потомки императора заводили семью очень поздно, и наследник обычно был только один. Проклятье или случайность, но это явление продолжалось уже несколько поколений, нарушая один из заветов Афларо.

Рианилл же, который в силу своего положения считался, как и все его предки, пророком и оружием Солнечного Бога, разумеется, стремился контролировать даже такие вещи.

Звалькир снова завел разговор о злычах, король летэвов тут же его поддержал. Крадлин молча слушал.

– Король Рэгдаф III Тах из Сважгеры! – послышался из глубин залы звонкий голос разодетого глашатая. Обернувшись, все увидели медленно и гордо шествующего невысокого и кривоногого мужчину в кожаном плаще, обшитом снаружи шкурой медведя. На правом плече вошедшего лежала голова зверя, застывшая в вечном оскале.

Из-под челки темных волос новоприбывший взирал на мир с едва скрываемой злобой. Уголки рта почти все время стремились опуститься вниз, являя всем хмурую и недовольную гримасу.

– Опять опоздал, – прошипел сбоку чей-то женский голос. Звалькир услышал это и хмыкнул.

Рэгдаф Тах правил Сважгерой, а следовательно, был потомком младшего из легендарных детей императора. Его королевство было для многих дикой страной, в которой в основном жили лишь горнодобытчики и все, чья работа была

хоть как-то связана с горами. Ведь Сважгера большей своей частью располагалась на территории находящихся на севере Прикрайних гор. Как шутили при дворе Рэгдафа, горы были везде, и молиться следовало им, а не Афларо. И, как ни странно, порой эти шутки воспринимались местными жителями всерьез.

Рэгдаф медленно подошел, важно кивая на немногочисленные приветствия, и сел в кресло, стоящее подальше от Рианилла. Развалившись, он слегка наклонил голову (нелегко это далось его не привыкшей гнуться шее) и произнес с вымученной полуулыбкой:

– Приветствую вас, король Рианилл, король Звалькир, принц Крадлин, – при каждом имени его подбородок слегка дергался, имитируя кивок, – Пусть вечно освещает вас и ваши королевства свет Афларо, и да приумножатся ваши богатства и долголетие.

Рианилл ответил сразу же, и кроме гордости в его голосе явственно различалось презрение:

– И Вам пусть светит солнце, король Рэгдаф. Да только вот осветит ли оно того, кто так упорно не хочет видеть этого света?

– Король Рианилл, этот вопрос, я полагаю, надо обсуждать не здесь и не сейчас, верно? – с ухмылкой, неприятно смотревшейся сквозь жесткую щетину, произнес Рэгдаф, – Но обещаю Вам, что мы еще успеем об этом поговорить.

Рианилл подбоченился и ничего не ответил. Пытаясь

снять напряжение, Крадлин звонко произнес:

– Приветствую Вас, принц Пазен!

– Приветствую и вас, уважаемые короли, – в свою очередь хрипловато пробурчал молодой и очень высокий мужчина, лицо которого было окаймлено маленькой черной бородкой, придающей его чертам что-то козлиное. Пазен, сын Рэгдафа, почти ничем не походил на отца внешне, зато характер унаследовал тот же – скрытый, гордый и нелюдимый.

– Присаживайтесь, Пазен, – улыбнувшись, пригласил принца Звалькир. Тот молча сел рядом с отцом

– Как ваши дела? – продолжал улыбаться оргамеонский король, выжидательно смотря на сваггерцев. Рэгдаф ответил первым:

– Дела сносны – потому я и смог выбраться сюда.

– Как добрались? – продолжил Звалькир, – Нет ли на Великом тракте происшествий? Может, слышно что-то интересное?

– Не могу припомнить, – скривился Рэгдаф, – Ибо народу мы, к счастью, встречали немного. А из происшествий... Разве что на окраине Оргамеонии мы остановились на одном постоялом дворе... И, стоит отметить, там была преотменная еда.

Звалькир слегка наклонил голову. Рианилл, Крадлин и Пазен сидели и слушали их молча.

– О, а вот и Лобрив! – негромко заметил Рэгдаф, поворачивая голову в сторону направляющегося к ним короля Кор-

лимара, – Пойду поприветствую. И извинюсь за опоздание.

Король Сважгеры отошел, за ним, буркнув что-то вроде извинения, проследовал Пазен. Как только они отошли, Рианилл что-то тихо прошептал на летэвском – притом настолько тихо, что даже его собеседники не смогли расслышать.

– Фух, ну и человек, – покачал головой Звалькир, – еле разговоришь.

– Упрямый еретик, – сказал Рианилл, – Но его еще постигнет кара. К тому же он невежлив. Опоздал, не явившись ни на турнир, ни к началу пиршества, а мы сейчас уже спускаемся к экипажам. Но нет худа без добра – на сегодняшнем празднике он будет принимать участие лишь в парадном выезде и королевских поздравлениях. И меня это вполне устраивает.

* * *

– Слава принцессе! Слава королям!

– Урааа!!!

– Счастья! Счастья!

На главной Императорской площади, расстилающейся перед дворцом, собралась огромная ликующая толпа. Массивные стены, огромные башни и величественные купола бросали на нее густые тени. От площади расходилось несколько широких улиц, окруженных домами богачей и аристократов.

Из высоких узорчатых ворот, украшенных по сторонам

двумя величественными каменными рыцарями, выезжал богатый праздничный кортеж. Это церемониальное снисхождение венценосных особ было старой имперской традицией, которую возродил отец Лобрива.

Впереди, под торжественную музыку, на богато украшенных лошадях, ехали в ряд шесть знаменосцев, гордо несущих пышные штандарты тех королевств, чьи правители сегодня прибыли сюда: Сважгеры (дракон-змея на белом поле), Темилиана (медведь с крыльями и рыбьим хвостом на зеленом поле), Корлимара (коронованный золотой грифон под солнцем на синем поле), Афларина (вместо штандарта на древке располагалась сложная конструкция из факела и нескольких маленьких зеркал, постоянно дрожащих и от того переливающихся светом), Оргамеонии (всадник на желтом поле) и Блаадена (гора с короной на красном поле).

Первыми ехали гвардейцы Корлимара. В полных пластинчатых латах, они были впечатляющим зрелищем. Но, что гораздо важнее, и о чем знали шпики всех королевств, латы рыцарей были самыми современными, удобными и прочными, способными, по слухам, выдержать даже выстрел из арбалета. На счет этого уверенности не было, но одно было известно точно – доспехи были баснословно дорогими, и потому выдавали их только самым сильным и умелым воинам из всего Корлимара. Поэтому все знали, что эти воины – лучшие из лучших во всем королевстве, и один этот отряд стоил небольшой армии.

Доспехи ехавших следом рыцарей Сважгеры были покрыты разнообразными шкурами. При условии того, что многие из животных, служивших материалом для этих «плащей», были неизвестны жителям Корлимара, вид гвардии короля Рэгдафа потрясал воображение зрителей на площади.

Восхищение вызывали гордые всадники Темилиана в своих легендарных доспехах с большими наплечниками и плащами, покрытыми перьями белокрылых орлов. Вместе с загнутыми вниз хундсгугелями^{5*} всадники в такой броне были больше похожи на хищных птиц, чем на людей.

Рядом с блистательными “крылатыми” конниками блекло и невзрачно смотрелись воины Оргамеонии – в простых кожаных доспехах или кольчугах, с подвешенными к седлам трофеями созданий Степи и мечами в деревянных ножнах на поясе. Оргамеонцы не стремились к роскоши, и не в последнюю очередь способствовали такому положению вещей частые налеты степных злычей. Вместо богатой сбруи подданные Звалькира ценили храбрость и мужество, за что и уважали жителей этого небогатого королевства.

На массивных дестриерах ехали рослые воины Блаадена. Жители этого королевства не любили ездить верхом – не позволяли это покрывающие страну снежные горы и холмы, и потому блааденцы оседлали коней лишь для того, чтобы не отставать от других гвардейцев и быть с ними наравне. В

⁵ * шлем с сильно вытянутым вперёд [забралом](#), в Темилиане конец забрала в декоративных целях загибается вниз.

низких шлемах с высокими гребнями, вооруженные огромными алебардами, которыми пользовались лишь стоя на земле, они гордо ехали, покачивая в такт хода коня ухоженными длинными бородами.

Но все рыцари и гвардейцы меркли перед величественными и прекрасными воинами короля Рианилла, повелителя летэвской страны. Они были облачены в причудливые бело-золотые доспехи, технологии изготовления которых никто не знал. Даже при свете факелов и взрывов салюта летэвы сверкали, будто шли при ярком свете солнца.

Зрелище этих воинов было изумительным по своей красоте – абсолютно разные и непохожие, они дополняли друг друга, образуя единую картину триумфа силы и величия.

В то время как колонна гвардейцев пересекала многолюдную площадь, Лобрив, Гейара и их венценосные гости рассаживались по изящным экипажам. В первом устраивалась корлимарская семья, а остальные три поделили между собой не перестающие разговаривать Рианилл, Звалькир и Крадлин, ухаживающий за супругой Ансмаг и Рэгдаф с сыном.

– Этот выскочка меня бесит, – тихо заявила Гейара, оглядываясь на заходящего в экипаж Пазена, – И он последний в списке тех, кого я хотела бы видеть в этот день. Да злыч и то был бы более мне приятен!

– Но он – принц. А кроме того, он храбр и мужественен, милая, – возразил ей Лобрив.

– Храбры и мужественны многие, отец. Многие добры и

благочестивы, щедры и праведны. А уж лордов, князей и танов в Дестриморе видимо-невидимо. Но все равно они – никто, – Гейара, замолчав, посмотрела на небо. В нем ярко взрывались залпы салюта.

– Все они, как эти залпы, – продолжила она, – Яркие, светлые, празднично гремят и радуют взор, но только на одно мгновение. А за их мимолетными вспышками скрываются вечные звезды, светящие в девственной ночи. И есть люди, подобные этим звездам. И только такие люди достойны внимания. Жаль, что я таких не встречала.

Решив снять неловкость, возникшую после высказывания дочери, Лобрив постарался пошутить:

– Может, мне отдать приказ прекратить фейерверк?

– Я была бы благодарна, – убийственно холодно и серьезно произнесла Гейара, и, помолчав, продолжила с неожиданным запалом, – О, отец, как же красива ночь! Такая непонятная и пугающая, она при должном изучении открывает перед наблюдающим всю свою глубину и бесконечность. И тогда начинаешь понимать всю красоту тех существ, которых ночь выпускает в наш мир.

– О какой красоте ты говоришь? – перебил ее Лобрив, – Какая же красота в тех тварях, с которыми сражаются еще с сотворения мира?

– Их красота – в ужасе, который они наводят, – с восторгом ответила Гейара, – Как прекрасен вид свежей раны или льющейся крови, так прекрасны и дети ночных кошмаров.

Да, они опасны, но ведь и красивы! Не будешь же ты отрицать красоту драконов или же морских змеев?

Лобрив молчал. “Мда-а-а, – подумал он внезапно, – Я надеялся, что она наиграется, и с возрастом это уйдет из ее головы, но этого все не происходит. В кого она только такой пошла? И как я буду в ней это искоренять?”

– А как же другие? – тихо спросил он, – Что думаешь ты о злычах или волотах? О тех, кто существует сейчас, а не терзал Дестримор давным-давно?

– Они не происходят от ночи, – возразила принцесса, сверкнув глазами, – Они такие же, как мы, и просто отличаются внешним видом и поведением.

– Какую же ерунду ты говоришь... – вздохнул Лобрив. Гейара, гордо взглянув на него, отвернулась и демонстративно скрестила руки на груди.

– Ты видел? – спросил Рэгдаф, все это время не спускавший с короля и принцессы внимательного взгляда. Сидящий рядом Пазен что-то буркнул себе под нос.

– Сказать по правде, – продолжил король Сважгеры, поглядев в сторону и удостоверившись, что сидящие в другом экипаже Ансмаат и Кселла их не услышат, – я думал, что у них в семье мир и согласие. Но, видимо, все не так уж хорошо.

– Так это ж Гейара, – протянул Пазен мрачно, – А она та еще су...

– Тихо, – яростно зашипел Рэгдаф, и, наклонившись к самому уху сына, быстро заговорил, – Не забывай, что Гейара

– твоя будущая жена.

– Я не хочу, – скрежетнул зубами Пазен, – Она же такая... странная. И страшная. И вокруг нее столько мерзких слухов ходит. Ты же слышал.

– Верно. Слышал, – с серьезной миной согласился Рэг-даф, – А еще я слышал, что под Дестримором есть огромная подземная река, и если плыть по ней, то можно попасть из северного моря в южные болота. При этом путешествовать можно на корабле. А про меня так вообще твердят, будто я безумен. Пазен, Пазен, – покачал король головой, – неужели я должен говорить тебе такие простые вещи? Слухов всегда много, особенно вокруг царственных особ. Народ хочет видеть в королях изъяны, чтобы тешиться мыслью о том, как же властители похожи на них в своих страстишках и слабостях. И цель всех мало-мальски стоящих правителей и хозяев – не дать простолюдинам возможности так думать.

– А это-то тут при чем? – перебил Пазен.

– А при том, что не важно, какие вокруг принцессы ходят слухи, пусть даже говорят, что она каннибал. Все равно большинство из них неправда. А даже если и правда, так что с того? Нам нужен крепкий союз с Корлимаром, и получить его мы можем лишь с помощью брака. Твоего, Пазен, брака с принцессой. Так что заткнись, не одному же мне стараться быть вежливым, даже с этим ублюдком Рианиллом. Ты молод, отважен, привлекателен – у тебя есть все шансы, так что используй их. Раньше у тебя неплохо получалось, а ты ведь

до сих пор не сказал мне, что там у вас произошло.

Лицо Пазена перекошилось:

– Это не важно.

Выученные лошади, способные возить экипажи без кучеров, начали строиться в одну линию. Когда дрессировщик даст приказ, они тихо выедут на площадь, сделают по ней три круга и вернутся обратно.

– Значит, послезавтра собираемся на совет? – уточнил Крадлин.

Рианилл кивнул:

– Завтра мне нужно совершить торжествование. Лобрив с уважением отнесся к этому и перенес нашу деловую встречу.

– Эх, а ведь наши поздравления могут затянуться до утра... – протянул Звалькир, но не слишком расстроено, – Главное не объесться.

– И не напиться, – добавил Рианилл, – Ибо Афларо завещал, что...

Прочитывать заповедь летэв не успел, отвлеченный паническими криками, раздавшимися со стороны площади.

Еще до того, как смысл криков дошел до королей, те уже сами увидели их причину. Огромное создание возникло над городом, прекрасно видимое во все еще разлетающихся цветах салюта. Струя синеватого пламени, вылетевшая из зубастой пасти, ясно указывала на природу нападающего. Над столицей летал дракон.

Несколько домов вспыхнули, вид огня и запах дыма мгно-

венно усилили панику среди толпы. Люди побежали, стараясь убраться подальше, посреди площади образовались мешанина и давка.

Гвардейцы, несомненно, могли бы дать дракону достойный отпор, и даже собирались это сделать, но случилось непредвиденное. Лошади, запряженные в экипажи, в панике выскочили из внутреннего двора дворца и понесли, не разбирая дороги.

Выскочив на площадь, они сразу же столкнулись друг с другом. Сначала в повозку Ансмата влетели Звалькир и остальные, они загородили путь экипажу Лобрива. От столкновения король Корлимара вылетел за узорчатую перегородку и упал на бульжную мостовую, в его левой руке мгновенно появилась резкая, сильная боль – судя по всему, перелом. Тоненько вскрикнув, на земле оказалась и Гейара, отделавшись, к счастью, лишь парой синяков. У повозки Рэгдафа просто отвалился передок.

Находящиеся в экипажах короли, исключая Рианилла и Крадлина, принялись жутко ругаться и вопить. Звалькир богохульствовал и сыпал проклятьями, Рэгдаф орал такое, что постыдился бы и сваггерский шахтер – он явно забыл о своем статусе недостижимого короля. Лишь Кселла не ругалась – она громко визжала.

Отвлечшиеся на мечущиеся экипажи, старающиеся из последних сил усидеть в седле, гвардейцы тем не менее готовились напасть на приземлившегося почти в центре площади

дракона. Но тот не обратил на них особого внимания. Мимоходом плюнув шаром огня в воинов, пытающихся обойти преграду из кусков поломанного дерева, он грациозно направился на тот край площади, где находилось то, что его интересовало. А вернее – та.

Принцесса Гейара к этому моменту уже поднялась и стояла, зачарованно глядя на высившегося над ней черного дракона.

Она молчала и не паниковала даже тогда, когда огромная рептилия наклонилась и взяла ее в чешуйчатую лапу с растопыренными когтями.

Лобрив отчаянно заорал и побежал к черной туше, не обращая внимания на боль в сломанной руке и несущихся навстречу испуганных горожан.

“Догоню, – билась в это время в его голове единственная мысль, – догоню и убью”.

– Невозможно! – кричал где-то рядом Звалькир, – Драконов не существует!

– Ну теперь ты по крайней мере знаешь, чего стоят слова тех, кто такое утверждает, – ответил ему, тяжело дыша, Риганилл. Даже в подобной ситуации летэв внешне был спокоен, разве что голос стал погромче. В этот момент короли как раз пятились к воротам дворца, окруженные группкой оказавшихся рядом рыцарей, преимущественно сваггерских.

– Отпусти меня, дурак! – послышался визг Кселлы, пытавшейся вырваться из вцепившегося в нее мертвой хваткой

Ансмата.

– Убейте его! – крикнул Лобрив, прыжками приближаясь к дракону, который еще не успел взлететь. Принцесса, находящаяся в его лапе, не издавала ни звука, возможно, потеряв сознание. Ткань ее алого платья, видневшаяся между черными когтями, казалась льющейся кровью.

Несколько стражников Корлимара появились будто из ниоткуда и, повинувшись приказу Лобрива, выпустили в дракона неровный залп из арбалетов. Все болты попали в цель, но не причинили чудовищу ни малейшего вреда, отскочив от прочной черной чешуи.

Лобрив выругался, еще больше нарушая правило Рэгдафа о недосыгаемости венценосных особ, и выхватил арбалет у ближайшего солдата. Последний, благо, догадался перед этим зарядить оружие.

Король упал на одно колено, прицелился, левой рукой через силу придерживая арбалет. Выдохнув, выстрелил, целя в голову. Но как только тетива распрямилась, дракон плавно оттолкнулся от камней и взлетел в воздух, мягко взмахивая перепончатыми крыльями.

Вслед ему летели крики, вой и отвратительная ругань. Ночное небо, переставшее освещаться взрывами салютов, снова показало свои причудливые созвездия.

Глава 2

“У каждого события обязательно есть причина и то действие, что послужило началом этого события”

Мастер Ксах

“Беды – как волки, ходят стаяй”

Народная мудрость

“Хороший день”, – подумал Омүф, комендант крепости Траглон, откидываясь на спинку деревянного стула и сдерживая отрыжку. Подаваемая на завтрак яичница была вкусной и сытной, с большим количеством мяса и пахучих трав.

Ласковое золотисто-желтое утреннее солнце заглядывало в полукруглое окно с крепкой металлической решеткой. Его лучи неспешно блуждали по пустой миске, большому столу с изрезанной от скуки поверхностью, стене с висящим на ней солдатским топором нового образца и небольшой, аккуратно заправленной кровати.

Золотым цветом отливали на свету кудрявые волосы и небольшая бородка Омүфа – плотного и крепкого человека в самом расцвете сил, с усталыми серыми глазами. При прибытии в крепость они блестели задорным огнем, но вскоре потускнели – служба в Траглоне даже из увлеченного юноши делала флегматичного старика.

Дело в том, что эта крепость находилась в очень важном, но глухом месте – на перевале Дольних гор, разделяющих Корлимар и Афларин. Данный перевал был единственным

удобным местом для перехода караванов из одного королевства в другое.

Длинная и долгая история у этой крепости. В стародавние времена, задолго до образования Империи, многочисленные княжества, располагавшиеся на территории современных людских королевств, подверглись самому жестокому и продолжительному нашествию злычей за всю историю Дестримора. Под предводительством печально прославившегося Ждегаира, “вождя богов”, жители степей поработили людей, на сто пятьдесят лет сделав своими рабами. По имени злыча это время в последующем было названо Ждегаирщиной.

За все время своего господства лишь над одним королевством не имели злычи власти – над Афларином. И Траглон стал символом непобедимости летэвов – ни разу крепость не смогли захватить, и потому она считалась неприступной. Сейчас ее бастионы служили всего лишь перевалочным пунктом для купцов и караванов всех мастей, но до сих пор старые прочные стены могли бы выдержать не один штурм.

В этом месте перевала проход между отвесными горными склонами был более узким, и именно здесь находились донжон и располагавшийся у его основания каменный комплекс, состоящий из казармы, трапезной и небольшой молельни, окруженный высокой каменной стеной и глубоким рвом. С обеих сторон крепости до внешних, вторых стен, пе-

ресекающих все ущелье, располагалась свободная территория для путников – несколько деревянных хибар, стойла и колодец.

Сейчас в Траглоне было тихо и пустынно – всего три дня назад проходил едущий из Корлимара караван, везущий во Фраполаз – столицу летэвов – зерно и соль.

Омуф поднялся со стула; следуя уставу, пристегнул ножны к поясу и вышел из комнаты. Как и каждое утро, ему полагалось обойти крепость – проследить за общим завтраком в трапезной, показаться перед караульными и пройтись по внешнему кругу укреплений. Это повторялось изо дня в день и успело порядком надоесть Омуфу, участвовавшему в нескольких рейдах в Степь. Любовь к свисту стрел, звяканью оружия и прочим атрибутам сражений сохранилась в нем, и многое он отдал бы, чтобы еще раз вонзить свой меч во врага, но приказы не обсуждаются – а они заставили его служить здесь, в Траглоне. Крепости, на которую никто и никогда не нападет. Было немного обидно – после стольких заслуг, пусть не очень громких, но все-таки, – оказаться в унылом месте, тратя свою жизненную энергию на разговоры с купцами и заполнение пропускных грамот.

В прохладном коридоре с массивными каменными балками и узкими бойницами Омуф столкнулся с одним из своих подчиненных – Нартадом, юношей, прибывшим служить в крепость три года назад, когда ему едва минуло одиннадцать зим.

С виду это был обычный парень – немного вытянутое лицо, внимательные и большие карие глаза, прыщи на щеках и шее. Вместо бороды и усов имелась едва заметная темная поросль.

Нартад прибыл в Траглон из крепости какого-то барона – Омуф не помнил его имени. Юноша был погружен в себя и не очень интересовался окружающим миром, из-за чего над ним порой безобидно подшучивали его товарищи. Но в обиду Омуф его никогда не давал, ведь Нартад был единственным среди людей гарнизона, кто умел читать и писать, и без него комендант ничего не смог бы сделать с проходящими в крепость сообщениями.

Сейчас юноша по-военному вытянулся перед начальником, из-за чего тут же уронил арбалет, который до того держал в руках. Оружие с грохотом упало на каменные ступени, Нартад, зашипев, словно от боли, быстро поднял его, деловито осмотрел и снова взглянул на коменданта.

– Иду наверх, господин комендант, – доложил он, хотя его ни о чем не спрашивали, даже взглядом.

– Как там в трапезной? – поинтересовался Омуф, поглядывая в бойницу.

– Все спокойно, господин комендант, – кивнул Нартад, – Почти все уже поели.

– Не рано ли?

– Ну-у-у, – протянул Нартад, глядя в пол, – они заканчивают.

– А летэвы что? – этот вопрос комендант задал со странными нотками в голосе.

– Едят, – пожал плечами парень, и, осмелев, добавил, – Вот удивляюсь им – нашей едой брезгуют! А ведь Дангак такую похлебку сварил, ум отъесть можно!

– Ладно, иди, – добродушно прервал его Омуф, начиная спускаться.

– Удачного дня, господин комендант.

Выйдя из башни, Омуф с наслаждением вдохнул теплый летний воздух. В синем небе пели птицы, из находящейся недалеко трапезной доносилось мирное гудение и смех.

“Да, – подумал комендант, шагая по каменной дорожке, по краям которой росла ярко-зеленая трава, – прекрасный день”.

Вообще трава, особенно такая сочная и свежая, не растет в горах, но воины крепости в моменты особенного безделья любили поработать с землей и занимать себя, разбивая клумбы.

Омуф скрипнул дверью и зашел в высокое здание, в котором каждый день его подчиненные – два десятка солдат – питались и просто переговаривались. Как и обычно, большая часть уже опустошила тарелки и миски, и сейчас просто сидела, обсуждая свои незатейливые проблемы.

Все они были чем-то похожи – одиноки, отрезаны от мира, и потому горазды на различные шутки, способные хоть немного скрасить однообразие службы. У некоторых до кон-

да службы оставался год, а у некоторых впереди были долгие десять.

Особую прелесть трапезной добавляли небольшие витражи, расположенные под потолком и изображавшие сцены с победами летэвов и людей над злычами Ждегаира. Проходящие через них лучи солнца изумительным образом преображались, превращая внутренности здания в нечто разноцветное и радостное.

Люди сидели на одной стороне зала, справа от входа, слева же разместилось пятнадцать отстраненных, спокойных летэвов. Ведь королевство Афларин не могло позволить охранять столь важный пункт, как Траглон, одним лишь людям, вот и отправляло сюда своих воинов, служащих по двадцать лет. Правда, Омуф почти сразу же начал подозревать, что летэвы здесь находятся не для охраны, а для надзора и контроля за корлимарцами. Но, с другой стороны, он мог и ошибаться – ведь летэвы были великолепными бойцами. Но, к неудовольствию соседствующих с ними людей, они отличались также заносчивостью и гордостью и, как верно заметил Нартад, даже ели лишь еду своего повара.

При виде коменданта его подчиненные поднялись, выжидательно застыв, а вот дети Афларо, как обычно, даже не повернулись в сторону вошедшего, продолжая молча поглощать пищу. Лишь Андлеал – летэвский комендант Траглона – мельком взглянул на коллегу своими сияющими глазами, но не более того. Через несколько мгновений Омуф мах-

нул своим людям, разрешая сесть, и направился в противоположную часть зала, где находилась кухня. Его шаги гулко раздавались в звенящей тишине – при всей простоте отношений, царившей в гарнизоне, никто не смел разговаривать в присутствии начальника, а летэвы и так молчали.

В дымной и вкусно пахнувшей кухне Омуф немного поболтал с Дангаком – тем самым, из-за похлебки которого, по словам Нартада, можно было лишиться разума. Но юнец почти не преувеличивал – повар и верно прекрасно готовил.

– Чем их сегодня кормил? – добродушно спросил Омуф, похлопывая Дангака по худому плечу. Тот мягко улыбнулся:

– Похлебка с горохом, белой фасолью и беконом. Ну и немного зелени с луком в качестве приправы. Может, Вы тоже хотите?

– Эх, если бы не яичница, – хмыкнул комендант, – то с радостью попробовал бы.

– Может быть, хоть глоточек? Я раньше такого не готовил, хочу знать, стоит ли ввести в рацион, – отозвался повар.

– Всем нравится, так что готовь, – отмахнулся Омуф и, не дожидаясь ответа, направился к выходу из кухни – небольшой двери, через которую выносили отходы.

Теперь он шел в противоположную от трапезной сторону, где стояла молельня – уютная башенка, стены которой были скрыты пышными кустами. Поверх них виднелись витражи полукруглых окон. Омуф взялся за кольцо прочной двери, потянул на себя и тут же ощутил волну теплого воздуха, хлы-

нувшего из внутреннего помещения. Чуть поморщившись, комендант вошел внутрь, дотронувшись до лба и сердца ладонью.

Внутри не было ничего похожего на алтарь или идола – только стояло несколько чаш с водой для омовения и множество позолоченных подсвечников с огарками. Но главным украшением залы являлось другое – окна янтарно-желтого цвета, плавной дугой начинающие подъем по боковым стенам и достигавшие вершины прямо напротив входа. С помощью хитроумных зеркал на стекла в любое время дня был направлен достаточно яркий луч, даже если солнце в этот момент скрывалось за горами. Хотя комендант и не проверял, но говорили, будто бы благодаря этой дуге можно всегда узнать точное положение солнца на небе. Лишь непогода могла на время помешать этой постоянной системе.

Это устройство летэвы установили еще в момент постройки Траглона, и оно до сих пор работало безупречно – было понятно, что им занимались настоящие мастера.

Не встав, вопреки нормам, на колени, Омуп прочитал коротенькую хвалу богу Солнца и вышел, плотно закрыв дверь.

Теперь он возвращался наверх, в башню. И дело не в том, что ему было необходимо проверить службу дозорных, которые, как Нартад, раньше окончили трапезу – просто комендант любил смотреть на открывающиеся с вершины виды, ловя на своем лице порывы ветра.

Коридор, по которому Омуп поднимался, был отлично

ему знаком – комендант знал каждую трещинку в старой и прочной кладке, каждую косточку крысы в уголке между колоннами. Ведь он тысячи раз проходил по этим ступеням, и неизвестно, когда это закончится. Ведь комендант служил в крепости уже седьмой год.

Некоторые руководящие должности в армии Корлимара после распада Империи могли занимать не только дворяне, но и выслужившиеся солдаты. Только вот если обычные воины после десяти лет службы получали заветные освободительные бумаги и возвращались домой, то срок службы их командиров назначал Военный Приказ, и он мог быть каким угодно.

От печальных и уже ставших привычными мыслей Омужа оторвал порыв свежего воздуха, хлестнувшего по лицу упругой плетью. Забравшись на просторную каменную площадку, комендант увидел Нартада, от нечего делать подбрасывающего на ладони небольшой камушек. Мельком взглянув на него, Омужа подошел к зубцам башни и принялся изучать открывающийся перед ним пейзаж, надеясь заметить хоть что-то новое, необычное. Если глядеть направо, в сторону Афларина, то перед глазами вставало лишь тянущееся вдаль ущелье с крутыми горными стенами, и смотреть тут было не на что.

Поэтому Омужа почти сразу повернул голову налево, из-за чего взору открылся выход из ущелья. За ним становились видны раскидистые деревья, освещаемые ярким летним

солнцем. Межу стволами едва различимой линией извивался старый тракт.

Это был Теухурский лес – огромный, растущий почти вдоль всей территории Дольних гор и окруженный дурной славой. Слухов о нем ходило много, и потому Омуф был уверен – места это мерзкие. Вглубь Теухурского леса мало кто заходил, и все деревни располагались вдоль тракта, ведь, по слухам, в эти места бежали преступники и ренегаты и из Корлимара, и из Темилиана. Избежав таким образом кары за свои преступления, они объединялись в банды и чуть ли не начинали строить собственные крепости и соперничать друг с другом за право нападать на караваны.

Именно поэтому каждый обоз сопровождал отряд профессиональных воинов, а сообщения о прибытии того или иного груза Омуф и Андлеал получали за несколько дней до указанного срока. Все это было сделано для обеспечения наибольшей безопасности караванов в пути, и зачастую это работало.

Так что комендант знал, что нескоро ему придется вновь общаться с взбалмошными купцами из Корлимара, ведь приезжающий через несколько дней летэвский караван с оружием будет проверять Андлеал, и потому можно не волноваться. Ближайшее время обещало быть привычным, и потому – скучным.

* * *

Лучи солнца пробивались сквозь сделанные будто бы из зеленого стекла листья, заливая своим таинственным светом небольшую полянку, окруженную могучими старыми деревьями. Между их стволами росли густые кусты, а вдали едва различалась деревянная крыша фургона. На нее то и дело опасно косились сидящие около небольшого костерка в самом центре поляны.

Понять, что это не люди, можно было лишь подойдя к ним поближе, когда становились заметны темная, покрытая коркой кожа и жилистые, длинные руки с черными когтями. Из их глоток раздавалось тихое довольное урчание, а глаза загорались радостным светом, когда с жарящегося над костром куска мяса в огонь с шипением падали масляные капли.

Их узнал бы почти любой, потому что это были знаменитые злычи, что жили в Степи и часто совершали набеги на людей.

Когда мясо было готово, один из троицы, тихо шипя, снял его с палки и принялся делить между товарищами, разрезая на части коротким ножом. Торопливо разобрав свои порции, злычи принялись жадно жевать, громко вдыхая пастью воздух.

Неожиданно кусты зашевелились, и над поляной раздалось властное:

– Ну и что тут твориться, а, крысиные дети? Совсем мозги в своей Степи высушили, раз решили жарить здесь свои

помои? Затапывать живо!

Троица одновременно вскочила и без раздумий принялась затапывать костерок, да так активно, что куски мяса вывалились изо рта и упали на землю. Бросившись поднимать их, злычи оглядывались на подошедшего со стороны фургона человека, одетого в купеческий кафтан и теперь охаживающего их хлесткими ударами кнута.

– Вы понимаете, – шипел он, – что вас на пики насадить мало? Мы пришли сюда тайно, а вы решили все испортить?! В последний момент?!

– Но ведь, – проскулил один из злычей, пытаюсь рукой прикрыть голову, – нет же тут никого, голову даю на отсечение.

– Да, – подхватил другой, расшвыривая веточки, – вот мы и решили поесть. Ну, таились до того, а сейчас-то чего, цель же близко.

Злычи говорили невнятно, стараясь произносить слова на имперском языке, и выходило у них просто ужасно.

– Вот именно! – человек уже выходил из себя, – Цель близко! А мы же купцов изображаем, идиоты, а они на нашем месте до крепости бы доехали. Небо чистое, дым далеко виден! Подозрения возникнут, если там с башен увидели. Вы все испортить можете, чтоб вас! Ур-р-роды!

Продолжая говорить, он обрушил на злычей новую порцию ударов. Те мгновенно сбежали с поляны и, спотыкаясь о выступающие древесные корни, с недовольным скулежом

забрались обратно в крытый фургон, на крышу которого они смотрели раньше.

Неожиданно к купцу подбежал еще один злыч, известный многим вождь Мрогер, легко узнаваемый по своему громоздкому ржавому шлему с забралом, из-под которого ярко сверкали хищные рыжеватые глаза. Однако в данный момент они прямо-таки горели, что говорило о клокочущей в нем ярости.

– А ну кончай махать! – рявкнул он, хватая человека за запястье, – А то я тебя твоими же кишками накормлю, а кнут-ом в глотку утрамбую!

– Они костер развели, – гордо бросил купец, вытаскивая руку из лапы злыча, – А мы же не хотим, чтобы нас заметили?

– Это мои воины, и только я могу их наказывать! – заорал Мрогер, – Запомни это!

– Запомню, – презрительно пообещал тот.

“Наглые и самоуверенные уроды, – раздраженно думал злыч, отворачиваясь от купца, – Но умны, этого не отнять”.

Подобные споры за время всего рейда были часты и случались обычно по вечерам, когда люди и злычи могли беседовать друг с другом. Но была одна причина, весомая настолько, что ее хватало, дабы утихомирить любых недовольных и терпеть все неудобства.

Последние десятилетия жизнь в Степи становилась все тяжелее. На различные племена – и большие, и маленькие – об-

рушилась страшная беда. К огромным стадам животных, которые паслись на бескрайних просторах с суховатой травой и опекались злычами, повадилась всемогущая Скотья Смерть, как называли это существо в легендах. Никто не знал, как оно выглядит, но все помнили строки шаманских песен:

*“Скотья Смерть за тьном ходит,
Бродит до зари.
В землю скот она уводит –
До того, как солнце всходит,
Порчу на стада наводит,
Жрет их изнутри”*

Скотья Смерть оставляла за собой поля, полные трупов. Их даже нельзя было есть – все они покрывались пугающими, отвратительными язвами бледно-зеленого цвета, и даже небрезгливые по природе своей злычи боялись прикасаться к ним.

Сначала обходились диким зверьем, которым наполнились степи, и, если удавалось, рыбой Нивдина, но все понимали, что это была лишь отсрочка. Над племенами нависла угроза смерти, оскорбительной для воина – смерти от голода.

Нехватка пищи привела к межплеменным войнам, еще более ужасным от того, что они были необходимы – для выживания. Почти сразу в Степи выделился вождь Жаргас – единственный, у кого скот не болел и не погибал. Это вызы-

вало недовольство и страх соседей, которые шептались, что именно этот злыч и напустил на остальных Скотью Смерть. Одни боялись идти против столь могущественного вождя, якобы владеющего страшной магией, другие пытались – но каждая попытка заканчивалась неудачей, что лишь усиливало страх остальных.

Кроме этой недостижимой цели оставался Екрум-тон – город злычей, в котором всего и всегда было навалом. Но – не бесплатно.

И все-таки, несмотря на столь отчаянную ситуацию, далеко не все вожди были готовы смириться с потерей власти, не все желали присягнуть Жаргасу или Екрум-тону. Некоторые из них, самые крупные и влиятельные, объединились вместе, намереваясь, по мере сил, продолжать борьбу и отстаивать свою независимость.

Но надежды на успех было немного. Пока однажды не пришло решение.

* * *

Стоящие внутри деревянной крепости злычи гомонили и ссорились, стараясь подойти ближе, чтобы лучше рассмотреть странного человека. Тот стоял, спокойно скрестив руки на груди и глядя на окружающих его существ холодными, равнодушными глазами. Несомненно, ему было жарко в своих черных кожаных доспехах с металлическими бляхами и

ремнями, туго обтягивающими худощавое тело, но он ничем не выдавал своего неудобства – лишь по лицу и шее струился горячий обильный пот.

Перед ним на возвышении на расшитых подушках сидели злычские вожди. Крайний слева был Мрогером, известным налетчиком, чьи набеги несколько лет назад здорово волновали оргамеонские земли. Рядом сидел Арх – кривоногий и длиннорукий злыч со свирепым взглядом, постоянно косившийся на Ургрулла – могучего и высокого матоха в набедренной повязке. Как было известно, за свои злодеяния на востоке Сважгеры он был прозван Горным Палачом, но после поражения в битве с Жаргасом ему пришлось переместиться на юг. За его спиной покачивался все время молчаливый Зрагра, его брат. Сидящий правее всех Румлагуш от нечего делать поигрывал зазубренным ножом. Все молча слушали человека, который представился как Миднерев.

В этот момент он как раз говорил – и хотя язык злычей давался ему с трудом, даже не совсем правильно произнесенные им слова как будто впечатывались в сознание:

– Сейчас, – Миднерев переводил взгляд с одного вождя на другого, не обращая внимания на обступивших его простых злычей, словно их и не было, – у вас наступили очень тяжелые времена. Очень мерзкие, паскудные, я бы сказал, времена. У вас нет еды. Не спорьте, не спорьте, мне прекрасно об этом известно. Известно мне и то, что вы не хотите подчиняться вождю Жаргасу. Вождю, который – об этом я

тоже знаю – в отличие от вас смог сохранить и скот, и воинов. Верно?

Вожди не ответили, лишь Румлагуш с размаху воткнул нож в землю по самую рукоятку, а Ургрулл грязно выругался. Стояла душная жара, и от злычей воняло потом, кожей и мочой.

– Но, – Миднерев позволил себе легкую улыбку, – при всем вашем нежелании не то что принять, но даже признать это, – Жаргас сильнее вас. Всех вас вместе взятых, не говоря уж о каждом по отдельности. Да-да, – он умудрялся оставаться спокойным даже в эту минуту, несмотря на то, что вожди руганью и ворчанием начали выражать свое недовольство, – Неприятно, конечно, но это так. И вы можете не соглашаться с этим, упрямитесь и скрежетать зубами, но факт остается фактом. А раз вам не нравится такое положение вещей, то либо меняйте его, либо меняйтесь сами.

Он ходил по острию – стоя в крепости, наполненной теми, над кем он так явно издевался, он продолжал говорить, насмешливо и высокомерно.

– О чем ты, человек? – нетерпеливо рыкнул Ургрулл, почесывая колено.

– Я не человек, – вздохнул Миднерев, так, как будто ему очень часто приходилось говорить эти слова, – Но это не имеет отношения к нашему разговору. Я пришел сюда поговорить о другом. Раз вы не хотите подчиняться ради еды, то тогда вам придется отобрать еду.

– Жаргас силен, – проворчал Арх, с прищуром посмотрев на небо, – Этого не отнять. Хватит ли у тебя воинов, чтобы вместе с нами победить его? Ты пришел лишь с тремя десятками.

– Кто говорит о Жаргасе? – ухмыльнулся воин в черных доспехах, – Я не его имел в виду. Поверьте, однажды эта ваша Скотья Смерть настигнет и его. Я прибыл сюда для того, чтобы предложить решение ваших проблем.

– И какое же?

– Я предлагаю вам напасть на Корлимар. Это находится в тех местах, которые, как мне помнится, воспеваются в ваших песнях о Ждегаире как “земли славные, с едою и резней”.

Крики и ропот вокруг мгновенно смолкли. Злычи стояли и молчали – даже самые глупые поняли, что предложенное этим странным гостем невозможно, но от того не менее заманчиво. Земли, которыми правил Ждегаир, стали лишь легендой и недостижимой мечтой. Ведь все предания об этом великом вожде были связаны не только с богатством, которым тот владел, но и с той горькой участью, которая в итоге постигла его племена.

– Мне кажется, – проговорил в абсолютной тишине Мрогер, в первый раз за время разговора поднимая голову и глядя на оратора своими злобными глазами, – что хождение в доспехах по жаре плохо сказалось на твоей чернявой девичьей головке.

Злычи захохотали, Миднерев поджал губы и, поправив

длинные смоляно-черные локоны, холодно проговорил:

– Если этой жары хватило мне, то что же говорить о вас? Вы живете тут с рождения.

Сарказм не оценили – вероятно, не поняли – лишь Мрогер криво усмехнулся и продолжил, уже без издевки:

– Тем более, даже если принять, что твое предложение не безумие, эти земли защищены получше Жаргаса. И не забывай, что земли *Грахаор* подчинились великому Ждегаиру не навсегда. А ведь мы не так сильны, ибо у “вождя богов” были воины со всей Степи. Да и не дойдем мы до него, даже если бы и захотели – через земли работорговцев мы не проберемся. Они лишь свистнут, и уже через неделю их станет втрое больше. Я ходил на них, я знаю.

– Верно, – мрачно кивнул Миднерев, – большой армией вы никогда и никуда не проберетесь. Но этого и не понадобится.

Замолчав, он поднял валявшуюся у ног сучковатую палку, несколько брезгливо взял покрепче и принялся что-то рисовать на песчаной земле, на которой лишь кое-где дрожала от ветра мелкая трава.

Миднерев рисовал схематично и быстро, но терпения у злычей было мало.

– Что ты там малюешь?! – крикнули из толпы. Кто-то поддержал:

– Верно! Давай уже говори, сука, на кой нам твои картинки!

Миднерев, не отвлекаясь от своего занятия, холодно произнес, на мгновение подняв глаза на вождей:

– Уймите своих остолопов. Они мешают.

– А ну заткнулись, а то я скормлю ваши яйца степным волкам! – рявкнул Ургрулл почти сразу же. Мрогер посмотрел на него с легким неодобрением, но этого никто не заметил. В толпе тут же умолкли.

Наконец Миднерев закончил, и оказалось, что он нарисовал весьма грубую и простую карту центрального Дестримо-ра.

– Итак, – начал он, пристально глядя на вождей, – Я думаю, даже вам известно, что если идти туда, где заходит солнце, то там будет Оргамеония. Ну, то, что вы называете страной работорговцев. Грубо говоря, она находится вот здесь, – он демонстративно ткнул палкой в широкую линию, тянущуюся с севера на юг, и удовлетворенно заметил, что за его жестом все внимательно проследили, – А вот здесь, еще западнее и южнее, – палка сместилась, как и взгляды наблюдавших за ней злычей, – находится королевство Корлимар. Теперь представим, что вы действительно начали войну против людей, и даже если бы смогли пройти через земли Оргамеонии незамеченными, что маловероятно, – что дальше? Вы нападете на Корлимар, пограбите деревни, может, даже захватите пару городов. Но потом, – он указал концом палки на самый край своей импровизированной “карты”, – вот отсюда придут летэвы, а еще в спину вам ударят оргамеонцы.

Со вторыми-то вы справитесь – ваши передвижные крепости помогут против них, – он оглядел окружающие их деревянные стены.

Речь шла об одном из немногих изобретений злычей – “гуляющих крепостях”. Этот комплекс частоколов и палаток на колесах мог перемещаться с места на место, движимый полудикими великанами-волотами и степными турами.

– Но летэвы, – Миднерев демонстративно сокрушенно покачал головой, – вас одолеют. Что же, спрашивается, тогда делать?

– Вот уж неправда! – заорали из толпы, – Мы сильнее, мы победим!

– Ага, – протянул Миднерев, – я верю.

По его тону все поняли, что думает он абсолютно противоположное.

Но, тем не менее, злычи и их вожди молчали, словно и правда пытаюсь найти ответ. Этот странный человек – или не человек? – полностью завладел их вниманием.

– Обратите внимание вот на это место, – Миднерев ткнул палкой в линию, похожую на букву “У”, – Дольние горы, а конкретнее – перевал Траглон. Он назван так в честь одноименной крепости, которая там находится – у людей с названиями всегда просто и неинтересно. Именно оттуда, к вашему сведению, и придет в Корлимар армия летэвов – если вдруг появится такая необходимость.

И потому я предлагаю следующее – мы захватим Траглон,

а уже потом отправимся грабить Корлимар.

– А летэвы, – проговорил Арх, волнуясь и от того запинаясь, – упрутся носами в эту твою крепость и не помешают нам?

Миднерев кивнул, но Ургрулл покачал головой:

– Они могут обойти горы с севера, и все равно прийти людям на помощь.

– Да и как мы будем сдерживать их? Сколько нас туда пройдет – полсотни, пусть даже сотня? Мы же не пойдем целой армией, – хмуро добавил Мрогер.

– Верно. Не целой армией, – подтвердил воин, – Вас будет где-то полсотни.

– Ты считаешь нас глупцами? Смеешься над нами? – прокрипел Румлагуш, – Полусотней мы ничего не сделаем, ничего не захватим.

– Во-первых, – Миднерева охватила какая-то горячность, слова стали выходить наружу быстрее, – у вас все равно нет выхода. Жаргас доберется до вас и убьет, если раньше ему не выдадут вас ваши же оголодавшие воины. Во-вторых – вы пойдете не одни. С вами отправятся мои люди под моей же командой. Вместе мы, без сомнений, захватим Траглон, особенно при условии, что там всего сорок ленивых бойцов.

– Как? Так мало? – от такой глупости Арх выпучил глаза.

– Эта крепость далека от границ, – пояснил Миднерев, – Она служит перевалочным пунктом для караванов. Торговых караванов. Кстати, мы придем туда именно под видом

торговцев. Что же до летэвов – то у них, поверьте, будет много своих проблем, да и крепость сильна. Поверьте, нападай мы в открытую – крепость смогли бы защитить даже упомянутые сорок человек. Ну, вспомните же – Траглон... Неужели это название вам ни о чем не говорит?

– Проклятая крепость, – проговорил Мрогер, его голос звучал глуше, – Крепость-которую-нельзя-захватить. Та, которая...

– Именно, – кивнул оратор, – она самая. Но приходит время перемен – мы захватим Траглон, это я вам обещаю. А потом вы преградите путь летэвской армии.

– Ты говоришь “вы”, – промолвил Мрогер, – А что же ты и твои воины?

– Мы ведь еще не заключили соглашение. Как заключим, услышите “мы”. Решайте.

Вожди и простые злычи молчали, солнце палило так, словно сам Афларо обратил на них свой взор. Миднерев погладил свои черные волосы, сладко зевнул. Он чувствовал важность момента, но почему-то был спокоен, появилась какая-то отрешенность. Но, тем не менее, нарушив тишину, он вновь заговорил, мягко и проникновенно:

– Вы же и так все решили. Вы согласны. Это было понятно уже потому, что вы согласились выслушать первого встречного, да к тому же так внимательно. Вы готовы сделать все, лишь бы не сдохнуть с голода. Я даю вам шанс выжить. В моем плане все продумано, в нем нет ничего самоубийствен-

ного – хотя и вам, и мне это не чуждо.

– Пусть так, – медленно проговорил Ургрулл, – но почему ты хочешь нам... хм... помочь?

– Я испытываю слабость ко всем врагам летэвов, – улыбнулся Миднерев, – Но, кроме того, мне это выгодно. Не имеет значения, в чем именно состоит эта выгода, просто нападите на Корлимар и возьмите все его богатства. Мне ничего больше не нужно. Я помогу вам. Ну так что?

Ответом ему был далекий вой степного волка. Было жарко, мокрую от пота одежду следовало уже выжимать, но Миднерев улыбнулся, прочитав ответ на злыческих лицах:

– Так что, жара и вправду сказалась на моей голове?

* * *

Действительно, выхода у них не было, и Мрогер это понимал. Потому злычи и согласились, а дальше дело пошло быстро – этот постоянно утверждающий, будто он не человек, Миднерев действительно все предусмотрел и подготовил.

Однако нашлось немало тех, кто чужаку все равно не верил и, цитируя человеческую пословицу, считал, что лучше что-то там в руках, чем что-то там... в кустах? В небе? Мрогер не помнил. Одним словом, Румлагуш и Арх решили остаться в Степи, чтобы командовать войсками. Двое же остальных вождей вместе со своими отборными бойцами от-

правились в буквальном смысле в неизвестное, ведь так далеко на территорию запада ни один из ныне живущих злычей не заходил.

Через три дня после сбора они встретились с Миднеревом и его людьми, которые изображали купцов, в условленном месте. Злычи забрались в крытые повозки, и “караван” двинулся в путь. Как оказалось, у Миднерева было немало сподвижников, и он действительно предусмотрел все. Утомительное путешествие проходило однообразно и скучно. От встречавшихся патрулей Оргамеонии Миднерев предпочитал откупаться, и это помогало. Хотя бывали и исключения.

* * *

– Так вы, значит, купцы? – повторил оргамеонский шлабман^{6*}, читая протянутую Миднеревом купчую, – Едете в Корлимар?

– Вы абсолютно правы, – устало и не слишком-то весело ответил лже-купец. Он уже знал, что будет дальше, и хотел побыстрее закончить привычную процедуру. Но свою роль надо было играть до конца.

– Вы едете с востока, – шлабман взглянул на синее небо, – И везете оттуда товары, верно?

– Именно так, – сухо подтвердил Миднерев, а про себя подумал: “Ну, сейчас начнется: “Только ведь, как известно

⁶ * в Оргамеонии – один из низших офицерских чинов.

всякому, на востоке поселений нет...” Тьфу!”

– Только ведь, как известно всякому, на востоке поселений нет, – произнес конник, вертя в руках купчую, – Так откуда же, уважаемый, товары-то вы везете? И что это за товары? Видите ли, формулировка “редкие изделия” слишком расплывчата. Я требую, чтобы Вы открыли фургоны и дали нам их осмотреть, а кроме того, объяснили, откуда у вас эти самые “редкие изделия”.

В ответ на это Миднерев молча достал из-за пояса кожаный кошелек, подкинул его на ладони. Тот мелодично зазвенел.

– Зачем Вам, господин шлабман, так утруждать себя? Позвольте мне избавить Вас от столь утомительного занятия. Человек Вы небогатый, по кольчуге видно. Вот Вам... купите новую.

Но день сегодня определенно был скверный. Шлабман даже не взглянул на кошелек, холодно начав перечислять:

– Отказ подчиниться шлабману при исполнении обязанностей, предложение взятки, возможно – провоз запрещенных товаров и фальсификация документов. Не усугубляйте наказание, господин купец, Ваши преступления уже тянут на солидное заключение. Лучше покажите, что там у Вас в фургонах, и затем проедете с нами. Парни, ко мне!

Остальные шесть всадников подъехали поближе. Солнце скользило по их желтым плащам с медными застежками.

Миднерев мысленно выругался, однако слез с козел и на-

правился к запертой двери своей повозки. Остальные купцы последовали его примеру.

Перед тем, как скинуть замок, Миднерев повернулся к нависающему над ним шлабману и тихо спросил:

– Вы уверены, что хотите этого?

– Уверен, уверен, – оскалился тот, – Давайте отпирайте. Мне крайне интересно узнать, что же есть на востоке, кроме злычей и неприятностей.

– Кроме них, – Миднерев сладко улыбнулся, – там ничего и нет.

После чего резко открыл дверцу.

Из нее тут же выскочили давно готовые злычи, повалили излишне честного и любопытного шлабмана, один разрубил ему голову ятаганом. Кони оргамеонцев храпели и тревожно ржали, вставали на дыбы, пытаясь отбиться от неожиданно появившихся противников. Растерявшихся воинов убивали без жалости – злычи давали выход своей накопившейся злости. Все это не заняло и двух минут.

Миднерев тем временем наклонился над поверженным шлабманом, заглянул в его затухающие глаза.

– Лучше бы, – произнес он серьезно, – ты купил себе кольчугу.

* * *

Но кое-что Миднерев все-таки не предусмотрел. Он спе-

шил, подгонял, и из-за спешки раздражение отряда лишь усиливалось. Да и союзники злычам попались что надо – колючие, саркастичные и бойкие на язык, и потому любые их разговоры, как правило, заканчивались ссорами или драками. Все очень надеялись, что после захвата Траглона напряжение спадет.

“Если только, – злобно подумал Мрогер, – они не станут лезть к нашим воинам”.

Злыч почесал покрытую грубой кожей шею и присел на нагретый порог одного из фургонов. Невдалеке прохаживались наиболее дисциплинированные злычи – те, на кого можно было положиться. Мимо то и дело неслышно ходили люди Миднерева, кто изображавший купцов, а кто – охрану. Их командир стоял невдалеке, под тенью старого большого клена, переговариваясь о чем-то с Ургруллом и Зрагрой.

Они были братьями. Ургрулла уважала вся Степь за его славные победы, однако на деле именно Зрагра фактически управлял племенем. Он был хитрее и с легкостью управлял сильным, но недалеким Ургруллом. Неудивительно, что оба отправились к Траглону, один стремясь к славе и битвам, другой – к наживе и выгоде.

Завидев Мрогера, Миднерев, грациозно ступая, направился к злычу. Оказавшись рядом, заговорил:

– По нашему плану уже днем мы должны быть в Траглоне – к счастью, мы успели к назначенному сроку. Поэтому сейчас отдыхаем, а через полчаса выдвигаемся. Но я попро-

шу, чтобы в этот промежуток времени вы хорошо следили за своими воинами. Если кто-то в крепости вас заметит, то все мы – трупы.

– Мы все знаем и без тебя, и нам не нужны твои “просьбы”, – оскалился Ургрулл, подходя следом вместе с Зрагрой, – Мы поняли с первого раза.

– К тому же, – заметил Мрогер, – лучше следи за своими людьми, Миднерев. Только что один из них поднял руку на моих воинов. Я за такое убиваю.

Миднерев не обратил внимания на угрозу и спокойно продолжил:

– Когда мы приблизимся к крепости, и тем более когда войдем в нее, ваши не должны издавать ни звука до тех пор, пока не потребуют открыть фургоны. Одним словом, схема старая. Если каждый будет следовать плану, уже к вечеру крепость будет наша. А сейчас мне нужно ненадолго отъехать.

* * *

Порывы ветра принесли прохладу и сероватые облака. Омуф отошел от окна и сел на кровать, угрюмо глядя в стену.

– Я надеюсь, что ты поговоришь со своим подчиненным. Ни мне, ни остальным не нравится, что твой повар вертится на нашей части кухни.

Омуф взглянул на Андлеала и коротко бросил:

– Хорошо, я поговорю с Дангаком.

Ему не хотелось долго говорить с летэвом. Ему не нравился тон, с которым к нему обращались, и чтобы прекратить это, комендант просто встал и, обойдя стоящего в центре комнаты Андлеала, снова направился на вершину башни.

Там он встретил уже не Нартада, а Фарка – своего десятника. Сейчас этот полноватый воин как раз поджигал горстку травы в железной коробочке.

Омуф поморщился, так как не любил дурман, а Фарк еще и пользовался самым пахучим – фазархильским. Огонек в коробочке заплясал, и вверх поплыл густой дым, который, поднявшись на полпальца и словно натолкнувшись на невидимую преграду, растекся по сторонам. Фарк поспешно опустил лицо и жадно задышал. Омуфа он не стеснялся, ибо тот был его другом и не имел ничего против мелких нарушений устава.

Омуф подошел к каменным зубцам и коротко спросил:

– А где Нартад?

Фарк прикрыл глаза и ответил с короткой ухмылкой:

– Сказал, что у него живот скрутило, побежал вниз. Все наши разбежались между хатами для купцов да по кустам.

– То есть? – не понял комендант, насторожившись.

– Парни, видимо, отравились за завтраком, – объяснил десятник. Его голос звучал невнятно – дым забил ноздри.

– Сейчас на постах стоят летэвы, ну а я заменил Нартада, –

докончил Фарк, стряхивая пепел с носа.

– А с чего ты взял, что они отравились завтраком? – нахмурился Омуф.

– Я один чувствую себя хорошо, а ведь я, ну... проспал.

Они замолчали, прислушиваясь к шуму ветра между камнями. Неожиданно коменданта привлек вопрос Фарка, заданный спокойно, но Омуфа нельзя было обмануть – в голосе помощника ясно слышалось напряжение:

– Слушай, Омуф, у нас ведь не запланировано караванов на сегодня?

– Нет, – вздрогнул Омуф, мгновенно поворачиваясь и глядя туда, куда был устремлен взгляд Фарка.

Из леса со стороны Корлимара выезжали шесть крытых фургонов. До уха коменданта донесся отрывок протяжной песни. Он узнал – это была часть известной песни “Воля”:

В небе надо мной парят три птицы;

Слева колосится чисто поле;

А дорога пыльная кружится;

Ах, как я люблю скакать на воле!

Ржет мой конь, смеются дети где-то;

Ветер свищет в шелестящей кроне;

Нет мне ничего милее света!

Нет мне ничего милее воли!

Ничего подозрительного, кроме... Кроме того, что сейчас тут не должно быть каравана.

– Может, сам король Лобрив пожаловал, а это передняя часть кортежа? – почесал в затылке Фарк.

– Совсем что-ли? – оборвал Омуф, – Лобрив сейчас к празднику рождения дочери готовится. Не-ет, ему сейчас не до этого. Иди, узнай, кто там. Но сегодня никого проезжать не должно... Странно... Будь осторожнее.

Фарк коротко кивнул и начал спускаться.

Открылись первые ворота, фургоны въехали внутрь, с козел поспрыгивали люди в добротных кафтанах и плащах, между ними сразу же встали их охранники в железных нагрудниках с алебардами.

Тут послышались повелительные крики, и в ворота влетел всадник верхом на поджарой и стройной лошади, с которой сейчас хлопьями слетала пена. Наездник был одет в кольчугу и кольчужный же шлем, а за его плечами трепался грязный плащ с узнаваемым символом – коронованным грифоном под солнцем. Гербом Корлимара.

Всадник соскочил с лошади и, расталкивая купцов, подбежал к вышедшему из вторых ворот Фарку. Что-то проговорил, на что десятник отрицательно помотал головой. Гость нетерпеливо топнул ногой и, суетливо порыскав в висящей у него на поясе сумке, достал свиток.

“Гонец, – догадался Омуф, – Гонец, может быть, от самого Лобрива”. Нетерпение, проявляемое всадником, говорило в

пользу последней версии.

Поэтому комендант быстро, даже, наверное, слишком, сбежал вниз, перед этим зайдя в свою комнату. Там он нацепил на голову бацинет^{7*} без забрала – как и полагалось по уставу, потому что кто знает, не сообщит ли об этом гонец, вернувшись в Корлимар. Предыдущего коменданта, как говорят, убрали с поста за нечто подобное, заодно осудив и отправив под трибунал.

Выскочив из донжона, Омуф чуть не столкнулся со спешащим к воротам Андлеалом. Молча пройдя внутренний дворик крепости, они подошли к гонцу – высокому и худому человеку с резким лицом, который в этот момент как раз заканчивал рассказывать о крайней важности своего послания.

– Что там? – спросил у него Омуф без предисловий.

– Ну, не на улице же, – фыркнул в ответ гонец, презрительно кривя губы, – Если честно, я рассчитывал на ужин и теплую постель, а здесь? Меня, посланника Его Величества, заставляют стоять на пороге, будто бы я – жалкий нищий!

“Точно от Лобрива, – с раздражением подумал комендант, – Столичный”. Желая прекратить недовольную тираду, он громко и со всем возможным радушием произнес, делая приглашающий жест рукой:

– И верно, что же это я. Пройдемте внутрь, посидим. Расскажите, что в столице происходит. Вроде бы, у Ее Высочества день рождения скоро? Или был уже? Пойдемте, пойдем-

^{7*} полусферический шлем.

те, послание отдадите...

Гонца не пришлось упрашивать дважды. Он задрал подбородок и пошел вслед за Омуфом, направляясь в распахнутые ворота.

– Господин комендант, – несколько растерянно спросил Фарк, указывая на купцов, – А что делать с этими?

– И мы бы хотели это знать, – поддакнул один из возниц каравана, упирая руки в бока, – А то что же нам, ждать, пока вы со светлейшим сударем гонцом наговоритесь?

Омуф лишь отмахнулся:

– Ничего, ничего, подождете. Эй, Фарк, не пушай их, лучше осмотр проведи!

Фарк и четыре подошедших к нему летэва приблизились к купцам, те принялись копаться в сумках и доставать свои купчие. Дальнейшего Омуф уже не видел, шагая обратно в сторону крепости.

“Может, опять война? – думал он, ступая по доскам подъемного моста, – Хотя нет, о ней бы мне еще давешние купцы рассказали... Что же тогда?”

Погрузившись в свои мысли, комендант не заметил, как обогнал Андлеала и гонца, и, глянув по сторонам, остановился подождать их. Те как раз проходили мимо рычагов, позволяющих опустить тяжелую железную решетку и поднять мост – их охранял еще один летэв с копьем.

– Что это Вы, господин летэв, все меня разглядываете? – неожиданно послышался голос гонца. Действительно, Анд-

леал, идя рядом, без всякого стеснения вглядывался в его лицо, будто бы этот человек был ему очень хорошо знаком.

В ответ летэвский комендант остановился и выхватил из ножен тонкую саблю. Встав в позицию, он криво усмехнулся:

– Да так... господин Миднерев. Я ведь правильно вспомнил Ваше имя? Оно достаточно известно в Афларине... До сих пор.

Гонец громко присвистнул:

– Сомневаюсь, что меня знает великое летэвское королевство. Вы меня определенно с кем-то спутали. Меня зовут...

Никому не дано было узнать, как его зовут, потому что в тот же самый момент за стеной раздался свирепый вой, который Омуф узнал почти сразу, хотя не слышал его давно. Это был вой злычей, идущих в атаку.

Удивиться тому, откуда они появились здесь, Омуфу помешал громкий вскрик стражника-летэва, упавшего на землю около рычагов со стрелой в горле. Обернувшись, под все усиливающиеся вопли злычей и удары железа о железо, комендант успел заметить в одной из бойниц донжона его повара, Дангака, вооруженного луком. Предатель почти сразу же исчез.

Вой за стеной стал сигналом для Андлеала, и он резко ударил, целясь в шею Миднерева. Тот отступил назад и, выхватив собственный меч, почти сразу бросился в атаку. Отразить его свистящий клинок оказалось нелегко – лже-гонец сделал финт и постарался рубануть там, где летэвский ко-

мендант не ожидал. Андлеал отскочил и встал в защитную стойку. Он знал, кто такой Миднерев, и понимал, что у него даже при всей долгой военной подготовке нет ни одного шанса победить. Разве что дожждаться, пока остальные летэвы не выбегут из крепости на подмогу.

Миднерев снова скакнул к летэву, и оба закрутились в смертельном танце, не обращая внимания ни на что вокруг.

Омуф, тоже догадавшийся, что помочь своим за стеной уже не получится, все еще жался к каменной кладке, боясь оказаться в зоне видимости Дангака. В том, что предатель подстрелит его, как только увидит, комендант не сомневался. Но вскоре ему в голову пришла мысль, что даже ценой своей жизни необходимо поднять мост и закрыть ворота, ведущие в крепость, а для этого нужно опустить рычаги, возле которых зловещим предупреждением лежал холодеющий летэв с потухшими глазами. “Стоит попытаться”, – решил Омуф. И рванул.

Комендант не мог знать, что все, начиная с воя злычей и заканчивая его скачками к рычагам, не заняло и минуты. Не мог он знать и того, что Дангак уже лежал мертвый на холодных плитах коридора, без промедления убитый одним из летэвов Андлеала.

Когда Омуф оказался у рычагов, то понял, что опоздал. Из ворот в крепость ворвались трое купцов, двое с окровавленными мечами тут же кинулись к Андлеалу, все еще сдерживающему молниеносные и хитрые атаки Миднерева, а тре-

тий направился к коменданту. Омуф выхватил из ножен широкий фальшион и мгновенно напал, но противник ловко блокировал рубящий удар, подставив под клинок железную рукоятку своего шестопера. Крики за стеной приближались, становилось ясно, что злычи, сколько бы их ни было, направляются в крепость.

Омуф из последних сил рванулся к рычагам, но купец опередил его, замахнувшись шестопером. Удар пришелся на шлем, комендант свалился на землю, невидящими глазами уставившись на множество ног, появляющихся из ворот. Боль усиливалась, и под ее напором веки Омуфа опустились.

Поэтому он не мог видеть, как Миднерев резким изогнутым ударом режет Андлеалу горло, а появившиеся из ворот крепости летэвы яростно налетают на возникших перед ними купцов и злычей. Защитники крепости ударили слаженно и бесстрашно, и первая линия нападавших была просто вырезана в считанные мгновения. Но хоть каждый летэв сразил не менее двух противников, силы были неравны, и вскоре звуки боя утихли.

* * *

– Славно вышло, – довольно проворчал Ургрулл, громко рыгая. В подвалах крепости злычи отыскивали огромное количество запасов еды, и сейчас занимались тем, что активно опустошали их.

– Что славного-то? – буркнул Миднерев, склонив голову и глядя в пол, – Я восьмерых своих положил, а ты говоришь “славно”. Тьфу! Еще и Дангака убили... Повезло, что летэвы решили шапками нас закидать, и не заперлись в башне.

Он сплюнул и подумал: “Этот Андлеал... Откуда он меня знает? Спустия столько лет...”

– Это же битва, – непонимающе покосился на него Мрогер, – И наши родичи умирали сегодня, и умерли достойно – в бою.

– Нельзя умереть достойно, – раздраженно возразил Миднерев, – Это только люди любят почитать погибших словами, потому что ничего другого для них сделать не в состоянии. Нет достойной смерти, а у многих нет даже достойной жизни.

– Быть может, потом будете спорить об этом? – остановил Зрагра Мрогера, уже готового что-то ответить воину, – Скоро двинется наша армия из Степи, а уже завтра, возможно, будут приходить другие караваны. Запасов в этой крепости полно, хватит надолго. А как летэвы поганые пойдут, так и задержим, а потом в Корлимар придут Румлагуш с Архом, а мы присоединимся к ним. Эх, что б меня, поверить не могу, что мы пируем в Траглоне – крепости, которую не могли завоевать даже предки наших предков!

– Нет-нет-нет, у нас другой план, – заволновался Миднерев, не обращая внимания на столь странную для злычей лирику, – Мы остаемся здесь, в крепости, пока Корлимар не

будет завоеван. Вы забыли на радостях?

– Забыть не забыли, – ответил Зрагра, – но ты же сам говорил, что эту крепость даже полусотня сдержит. А остальным что делать?

– Я же сказал – сидеть тут, ждать подмоги и отбивать атаки.

– А Румлагуш, Арх? Они получают всю славу и власть, пока мы будем тут гнить?

– Они будут воевать с Корлимаром. Именно поэтому у них армия, а не небольшой отряд бойцов.

– Ну уж хрен, – уперся неожиданно Ургрулл, – Мы тоже будем Корлимар грабить. Мы не трусы, чтобы сидеть за стенами.

– Я и не говорю что вы трусы, – терпеливо начал объяснять Миднерев, – Просто, *saxt meeta*^{8*}, как вы не понимаете... Вы сами хотели идти сюда...

– Чтобы грабить!

– Я обещал, что вы будете это делать! Но не сейчас!

– И как ты нам это запретишь?

– Я не доставлю ваших сородичей до крепости, – ответил Миднерев спокойно, но за этим спокойствием скрывалось нечто страшное, – А потом на вас хватит одного летэвского отряда “Листьев”. Надо объяснять, что это такое?

Зрагра нехорошо усмехнулся:

– А ты не боишься, что не сможешь отдать этого приказа?

^{8*} грубое ругательство, предположительно, идущее из летэвского языка.

Ты один здесь, в этой комнате, а нас-то трое. Не думаю, что ты сможешь выстоять.

– А вы попробуйте, – голос воина по-прежнему был спокоен, – Попробуйте. Вы видели в деле и меня, и моих людей. Неужели вы считаете, что они не смогут перебить всех ваших бойцов?

Вопрос явно был риторический, и Зрагра это почувствовал.

– Ты нам угрожаешь? – окрысился он.

– Я? – Миднерев удивленно поднял брови, – Нисколько. Я лишь спрашиваю. А угрожаете-то мне именно вы.

– Ну хватит, – остановил Зрагру молчавший до того Мрогер, – Сделаем так: я буду защищать эту крепость, а ты, Ургрулл, вместе со Зрагой грабьте крестьян сколько угодно.

Двое злычей согласно и удовлетворенно кивнули.

– Мои люди переоденутся в стражников, – добавил, как показалось, облегченно, Миднерев, – И когда к нам будут подходить настоящие купцы, мы встретим их. Все пройдет отлично.

– Верно, – рыкнул Ургрулл, – Теперь нам ничто не помешает. А как Корлимар захватим и ограбим, так и с Жаргасом разберемся.

Мрогер и Зрагра закивали, Миднерев промолчал.

За окнами раздавались крики злычей, которые, видимо, стремились компенсировать свое небольшое число громкими воплями. Воины Миднерева, сменившие купеческую

одежду на привычные черные кожаные доспехи, сидели в молельне.

– Ну, вроде бы все, – хлопнул себя по коленкам Зрагра, вставая, – Пойдем к остальным что ли, отпразднуем. Ведь есть что!

Ургрулл тоже поднялся, уже несколько покачиваясь, что говорило о том, что с пивом, также найденным в крепости, он перебрал.

Уже на рассвете, когда радость среди злычей немного улеглась и они, сраженные наконец выпивкой, улеглись спать, Миднерев неслышно зашел в ту комнату, которую занял Мрогер. Тот не спал.

– Чего тебе? – рыкнул он настороженно.

Миднерев прищурился:

– Есть разговор.

– Ну?

– Я приглядывался к тебе во время всего нашего пути. Ты превосходишь умом остальных матохов, с тобой можно вести дела, – проникновенно начал Миднерев, – Скажи мне, что будет, когда вы закончите, я надеюсь успешно, эту войну?

– Мы уьем Жаргаса. А полученными территориями будем править вчетвером, заставим людей и всех остальных работать на нас и кормить, как в благословенные лета владения *Грахаор*. Мы никогда не будем знать нужды, и для нас снова настанет золотое время, – без раздумий ответил злыч.

Его собеседник неприятно засмеялся:

– Ха–ха–ха! Какая милая наивность... Я не верю, что ты не понимаешь, что начнется дележка власти. Отчаянная дележка. Вы четверо вместе лишь потому что вынуждены. Но когда необходимости не будет, вы наброситесь друг на друга, как степные волки. Подумай, и ты поймешь, что я прав.

– К чему это ты? – медленно спросил Мрогер.

– Ты уже включился в эту грызню. Не пора ли подумать о... союзниках, – последнее слово Миднерев произнес вкрадчивым полусшепотом, – Да, война едва началась, этого многие еще не осознают, но потом может быть слишком поздно.

– Говоря о... союзниках, – Мрогер, явно издеваясь, также сделал паузу, – ты говоришь про себя?

Миднерев кивнул:

– И моих людей. Ты видел, каковы мы в деле. Так что подумай.

Повисла тишина, во время которой злыч и его собеседник внимательно смотрели друг в друга глаза.

– Почему ты предлагаешь это мне? – спросил наконец Мрогер.

– Ты умен, я повторяю. Особенно по сравнению с другими.

– А в чем твой интерес?

Миднерев улыбнулся – как всегда, краешками губ:

– Я хочу спокойствия в Дестриморе. А оно может быть достигнуто лишь тогда, когда нет войн и волнений. С одним

договориться легче, чем с четырьмя, а ты мне нравишься.

Мрогер молчал, размышляя. Миднерев тоже молчал, не мешая думать. На его лице растекалась спокойная, чуть насмешливая улыбка.

Через некоторое время собеседник злыча, догадавшись, что не дождется ответа в ближайшее время, вздохнул, встал и поинтересовался:

– Я надеюсь, ты не станешь трепаться о нашем разговоре? Иначе все условия нашего союза, еще не начавшись, исчезнут.

– Не считай меня глупцом, – рыкнул Мрогер, – Я подумаю и позже скажу тебе свой ответ. И скажи, ты уверен, что мы всех тут положили?

Миднерев лишь улыбнулся:

– Иначе и быть не может.

“Отрава Дангака подействовала на всех. Мы вытаскивали людей уже мертвыми из кустов и отхожих мест. Превосходный яд – не вызывает подозрений, ведь что угодно может навредить кишечнику. Жаль, что Дангак умер – с ним можно было бы знатно повеселиться. Теперь же придется страдать от скуки. Разве что... мой порошок”.

* * *

Омуф очнулся от того, что его губ касается что-то скользкое, противное и вонючее. Открыв один глаз, он с тихим

вскриком откатился как можно дальше – ведь его лицо находилось совсем рядом с вывалившимися внутренностями одного из солдат. Как понял комендант, дико шаря глазами в полной темноте, вокруг лежали его бывшие соратники – от того и запах.

Вокруг было тихо, если не считать жужжания множества мух. Видимо, победители бросили трупы защитников крепости в какой-то подвал, да так и оставили. “Это еще не плохо, – подумал Омуф, осторожно шевеля руками, – Коли так, то, может, мне еще и повезет”.

Уж кому-кому, а коменданту было прекрасно известно, что в Траглоне есть тайный проход, с помощью которого лорды, герцоги и другие высокопоставленные благородные лица когда-то могли незаметно прийти в крепость и затем уйти из нее. Нужно лишь понять, в какой части крепости Омуф находится, а затем искать выход.

Решившись, комендант поднялся и сел, чувствуя сильную боль в голове. Тот факт, что рядом с ним лежали его бывшие товарищи, волновал сейчас Омуфа меньше всего – им уже не поможешь, а вот самому спастись необходимо.

Глаза уже привыкли к темноте, и кое-что можно было разглядеть. Почти наверху, под потолком, стала видна деревянная дверь, между досками которой неровными линиями просачивался слабый лунный свет. Значит, помещение выходит во двор, и, кроме того, трупы определенно свалили в башню, а не в трапезную или молельню – там двери были качествен-

ные, доска к доске.

Поглядев по сторонам, Омужф различил черные решетки, и чуть не закричал от радости. Как оказалось, их закинули в подвал, который уже долгие годы исполнял функции карцера, и куда порой отправляли за провинности членов гарнизона. Комендант знал, что здесь есть еще одна дверь, ведущая к совсем маленькой каморке, куда испокон веков сбрасывали сломанные, порванные и вообще ненужные вещи – грязь в крепости не допускалась. И именно там, под грудой хлама, был замаскированный под каменную плиту лаз, который позволял выйти наружу севернее крепости либо со стороны Корлимара, либо со стороны Афларина. Незнающий человек ни за что не догадается, а вот среди комендантов Траглона существовал обычай сообщать своему преемнику об этой хитрости. Так и Омужф об этом ходе узнал, и кто же мог представить, что это знание ему пригодится.

В темноте найти нужную плиту оказалось трудно, ведь комендант не только постоянно кривился от неослабевающей боли в голове, но и прислушивался к звукам снаружи, опасаясь, что кто-нибудь из захватчиков зайдет в подвал. Вонь давила на нервы, и, смешиваясь с “ароматами” старого тряпья и пыли, вызывала рвотные спазмы. Но, наконец, руки нашли люк. Кряхтя от натуги, Омужф подцепил плиту найденным обломком лопаты, чуть приподнял и обессилено свалился в образовавшуюся щель. Комендант упал на сухое и шершавое дно прохода, оказавшегося чем-то вроде естественной пеще-

ры. Плита наверху с тихим стуком вернулась на свое место.

Насколько комендант помнил, нужно было просто идти и на единственной развилке повернуть направо, чтобы выйти в Теухурский лес. Это оказалось очень кстати, ведь искать факел было рискованно.

“Лишь бы выбраться отсюда, добраться до выхода, – билась в голове коменданта одна-единственная мысль, перекрывая даже ощущения после недавней схватки, предательства и смерти товарищей, – и в деревню ближайшую. Предупредить их – и в столицу. Коня найти и галопом. Доложить. Королю Лобриву”

Глава 3

“Восстание графства Ниргамед, безусловно, есть бесспорное доказательство существования демонов, коих некоторые еретики богами именуют. Ибо мысли, по причине которых ниргамеды взбунтовались, мысли, которые мятежники несли в своих устах, настолько безбожны, что подсказаны не иначе как самыми злобными существами в Дестриморе.

Об этом говорит и то, куда решили сбежать бунтовщики, не способные выжить среди праведных жителей Империи – они сбежали в Великую Топь, обиталище Змея. Это лишь доказывает, что сам Змей помогал им, и в головы их свои мысли безбожные втолковал. И мораль из этой исто-

риш праведным людям стоит вынести следующую – способ управления, отличающийся от власти короля, помазанного Афларо, есть зло и безбожие”

“История Империи и Афларина с точки зрения праведной веры”, брат Мнеено

Немногие люди понимают, что это за счастье – спать по ночам. Спать, когда ты не мучаешься вопросами, на которые необходимо получить ответы, и потому у тебя нет нужды ломать над ними голову не только днем, но и ночью.

Такое счастье доступно каждому: и ремесленнику, имеющему большое количество заказов, и купцу, потерявшему часть своих богатств, и воину, тоскующему вдали от дома по семье. В итоге ночь и сон возьмут верх над тревогами и волнениями и заставят человека погрузиться в успокоительное забытие. Даже голодный бродяга способен уснуть, поддавшись требованиям уставших головы и тела.

И лишь одни люди по-настоящему ценят крепкий и спокойный сон – в основном потому, что так редко они могут себе его позволить. На своих мягчайших перинах и подушках, под охраной лучших воинов в стране, так редко спят в своих замках и дворцах короли и императоры, князья и таны.

Некоторые, несомненно, возразят, что, мол, уж кто-кто, а царствующие особы всегда спят сладко и с комфортом, в тепле своих покоев, мягкого одеяла и еще более мягкой, ласковой и податливой красавицы. И, несомненно, будут пра-

вы, но имея в виду лишь тех правителей, которые правят для себя, а не для народа. Ведь как может спокойно спать человек, который управляет не простой мастерской или гильдией, но королевством, и, кроме того, которому не все равно, что в этом королевстве происходит? Как может спокойно спать тот, кто беспокоится о голоде и болезнях, постигших его подданных? Увы, подобные правители встречаются редко, а ведь именно благодаря таким, как они, развиваются и процветают подвластные им территории. По немой и жестокой судьбе такие люди сгорают рано, ведь, отдаваясь своей стране, редко обращают внимания на свои потребности.

Именно к таким правителям относился Кратисс Шаос, владыка Болотного Легиона, который в данный момент сидел на застеленной самыми мягкими перинами кровати и смотрел в незастекленное окно. Оттуда веяло прохладой – очень приятной при условии постоянной жары. Далеко в небе светил месяц, порой исчезающий за темными тучами. Намечался дождь.

Будь его воля, Кратисс, не задумываясь, поднялся бы с кровати и прошелся по покоям. Однако он прекрасно знал, что если встанет, то тут же разбудит свою супругу – королеву Мелиту Шаос. А этого допустить он не мог – не хотел нарушать ее сон.

Владыка Болотного Легиона, болотный король, с любовью посмотрел на свою жену, и его жесткое лицо, омраченное тяжелыми мыслями, на мгновение осветилось ласковой улыб-

кой. Она всегда была для него самой красивой, но особенно он любил смотреть на нее спящую, когда выражения тревоги и заботы сходили с ее лица, и Мелита наконец-то начинала выглядеть умиротворенной.

Кратисс провел рукой по своей бритой голове и отвернулся, вновь принимаясь смотреть на месяц. Ему нужно было найти решение очень сложной ситуации, а Мелита отвлекала его, заставляла думать о ней, наполняя голову совсем ненужной сейчас сентиментальностью.

Удивительно, но подобные ночные размышления и недосып никак не отражались на внешности Кратисса, усталость была видна лишь в глубине его темных глазах. В остальном же он выглядел здоровым и крепким мужчиной – как и остальные представители его странного народа.

Появление Болотного Легиона было достаточно шумевшим событием, приведшим впоследствии к многочисленным спорам и сомнениям. В 1091 году от Прихода Царей одно из входящих в Империю южных графств, Ниргамед, взбунтовалось. Причины этих недовольств начались после того, как граф Вагнар Ериш вернулся из крупного похода против злычей. Случилось это в 1088, а уже в следующем году начались беды.

Земля словно в одно мгновение стала бесплодной. Поля стояли голые и исковерканные, фруктовые деревья перестали плодоносить, а рыба в водоемах будто прогнила изнутри, как и все звери в окрестных лесах.

Дабы обезопасить от возможного распространения заразы соседние провинции, правящий тогда император Йинарг из династии Ксикридов вместе с летэвами объявил графство проклятым за нарушение Солнечных Заветов Афларо и предъявил ультиматум: либо Вагнар со всеми своими подданными покидают территорию Империи, либо их уничтожают. Всех до единого. Неудивительно, что во время всеобщего сбора ниргамедцы решили уйти.

И в ту же ночь графу Вагнару во сне было видение: перед ним предстал вечно меняющийся Щертерег, Владыка Чувств и Отец Людей, и дал ему два совета. Первый – сложить корону, стать наравне со своими многострадальными подданными и впредь все вопросы решать сообща, второй же – идти на юг, в Великую Топь.

Любой другой, несомненно, ужаснулся бы, услышав это. Ведь это было жуткое, обросшее множеством легенд место, которое располагалось южнее Дольних гор, как утверждали редкие путешественники. Там находилась дельта реки Нивдин, образуя в крупной низине неподалеку от гор территорию, заполненную огромными и опасными болотами. Решиться жить там мог только абсолютный безумец... или совершенно отчаявшийся человек.

Но граф, озлобленный и обиженный на незаслуженно проклявших его слуг Афларо и их бога, поверил своему видению, и вместе со своими подданными отправился на юг.

Никто не мешал их продвижению, города закрывали пе-

ред ними ворота, и даже родственники ниргамедцев отказывались общаться с ними, моля Афларо о прощении за столь греховное родство.

Вагнар и его ожесточившиеся воины отвечали Империи той же монетой, по возможности грабя каждый населенный пункт у себя на пути. А когда граф увидел сверкающие впереди пики гор, то в очередной раз вспомнил незаслуженные обиды и не удержался от желания в последний раз отомстить изгнавшим его. Он кликнул своих дружинников и добровольцев на лошадях, и неделю бродил по всем южным провинциям Империи, предавая все, что только можно, огню и забирая самое ценное и полезное. Этим событием, которое в будущем хроникеры назовут Кровавой неделей, Вагнар поставил точку в истории графства Ниргамед.

Но история Болотного Легиона только начиналась. Отрезавшие себе путь к возвращению, отчаявшиеся, озлобленные и мужественные люди перешли по горному ущелью через Дольние горы и принялись углубляться в Великую Топь. И хотя мало кто об этом знает, но сколько бы последовавшие за ними имперские карательные отряды не старались отыскать этот проход, у них ничего не получалось – будто бы никакого прохода и не было.

Ниргамедцев встретил жестокий мир, сильно отличавшийся от привычных полей и лесов. Здесь, в крупной дельте, располагались сотни бочагов и прудов, а более сухая территория кишела жуткими тварями и ядовитыми змеями.

Вагнар и его люди нашли в Топи остатки огромного города с двумя возвышавшимися в центре пирамидами. Те оказались наполовину разрушены, как и большинство странных двухэтажных домов, расписанных извилистыми узорами, но остатки крепостной стены, пруд и отсутствие рядом крупных тварей были словно знаком, призывающим остаться здесь. И люди остались, сразу же взявшись за починку зданий. Первым делом изгнанники возвели на плоских площадках пирамид две крепости, и соединили их мостом, назвав столь странный замок Ниргримлаоном. Там поселились Вагнар и самые верные его помощники, а простой народ расселился вокруг. Но места не хватало, и все новые и новые отряды уходили на юг.

До сих пор не совсем понятно, чем же так зацепил отважных людей этот край, и почему они не пошли искать другого места. Возможно, не хотели рисковать и терять уже найденные площадки для жизни, а возможно, приглянулись ниргамедцам окружавшие их странные и мрачные пейзажи. И люди расселились здесь, среди темных лесов, разделенных болотами, в заброшенных кем-то руинах, схожих с теми, на которых был построен Ниргримлаон.

Эти древние постройки, стоит отметить, стали огромным подспорьем Болотному Легиону – они были добротные, хорошо сохранившиеся, с прочным фундаментом, а кроме того – их соединяла сеть каменных дорог, которую неизвестные строители провели через болота.

В большинстве своем поселения возникали именно в этих местах – не только из-за уже имеющихся укреплений и крыши над головой, но и потому что в озерах рядом ниргамедцы обнаружили съедобные водоросли, которые, собственно, и спасли их от голода. Уже затем, когда самые тяжелые месяцы борьбы за выживание остались позади, люди стали расселяться дальше, занимаясь в новых деревнях добычей болотной руды и охотой.

Почти сразу в народе сформировались абсолютно новые отношения между правящими и подчиняющимися слоями. Люди сами выбирали себе начальников и управляющих, руководствуясь исключительно своим мнением о человеке.

Сам Кратисс стал королем таким же образом. После смерти предшественника все находящиеся в Нирgrimлаоне собрались на площади и принялись выкликать претендентов на трон. В их число входил и молодой Шаос, который управлял дворцовым имуществом и был известен как человек честный и умный, прославившийся своими разумными решениями во время последнего голода. Кратисс не хотел такой власти и следующей за ней ответственности, но так как многие, в том числе и более известные воины, хотели видеть в королях именно его, то пришлось уступить. И Болотный Легион не ошибся, выбрав себе правителя ответственного и заботливого.

Ведь даже сейчас, среди ночи, причиной бессонницы Кратисса было именно его государство. Никогда оно не было

особенно благополучным, но сейчас опасность стала слишком серьезной.

Проблемой, возникшей раньше остальных, стала неизвестная и очень заразная хворь. У заболевших зеленел язык, начинались жуткие боли в голове и горле, и в итоге они либо задыхались, либо умирали от голода – есть они уже не могли. Но благодаря бдительности и ответственности солдат область заражения была оцеплена и пока не увеличивалась, но тревоги в сердцах жителей не становилось меньше. Тем более что многие люди умерли, сократив и так невеликое население.

Уже какую ночь он стремился решить эту проблему, но все время безуспешно.

Ведь была и другая беда, которая являлась самой грозной и беспощадной. Беда, пришедшая с юго-востока, и успешно теснившая Болотный Легион...

* * *

– Итого двадцать три мешка, – пересчитал крепостной голова и поднял на Рунгоса мутные глаза, – Мало.

– Это зависело не от меня, – резко ответил тяжело дышащий капитан, скреживая руки на груди. Его усталое лицо с короткими волосами искривилось, когда он вспомнил, с каким трудом ему приходилось собирать продовольствие по разоренной округе. Пронести в крепость эти самые двадцать

три мешка Рунгосу было не менее трудно.

Голова кивнул, но в его хриплом голосе сквозило недо-вольство:

– Осада может затянуться. Войско Его Величества не придет сюда в ближайшее время. Нам нужна еще еда.

Рунгос промолчал. Он знал, что будет дальше, но совершенно не хотел этого, и в глубине души надеялся, что все обойдется.

Но нет.

– Ты должен добыть еще столько же.

Несмотря на старость, голос головы звучал уверенно и властно. Рунгос переступил с ноги на ногу, глядя в дощатый пол.

– Голова Перубор, – сказал он наконец, – Я же только вернулся. У меня жена, как-никак. Дайте хоть повидаться де-нек-другой.

– Супруга твоя может подождать, – отрезал Перубор, – а крепость – нет. В ней со всей округи люди, и мне обо всех надо позаботиться.

– Но...

– Твой отряд, кажется, все еще стоит около потайного хода. Ящеры не будут ожидать, что вы опять выйдете из крепости так скоро. Тем более, сейчас ночь, это увеличит ваши шансы.

Спорить было бессмысленно. Капитан это понимал, и поэтому молча вышел из комнаты, окинув взглядом мешки.

Шагая по деревянной лестнице и зло топая сапогами, он мысленно поносил крепостного голову последними словами за его равнодушие и жуткую вонь во всей комнате. Ничего больше капитану, как человеку подневольному, не оставалось.

Выйдя из главного здания крепости, обновленного не более четырех десятков лет назад, он остановился и поглядел вниз, на перестроенные под нужды Болотного Легиона древние дома. Сейчас все вокруг них было занято телегами и спящими людьми. Перубор не соврал – в крепость действительно пришли многие, и каждый требовал внимания. Но Рунгоса-то интересовала лишь одна женщина, к которой он даже не мог подойти.

Крепость была в осаде, и в лунном свете можно было разглядеть раскачивающиеся на виселицах трупы врагов.

Болотный Легион прозвал их ящерами. Вообще-то родственников змей в Великой Топи было полно, но именно эти создания выделялись среди них. Они ходили, как люди, а передними лапами могли весьма ловко использовать различные инструменты. Но от этого они не переставали оставаться животными – из-за покрытых чешуей тел, немигающих глаз с узкими зрачками, клыкастых пастей и коротких, чуть выше колена, хвостов. Ящеры – как их еще назвать?

Они появились на территории Болотного Легиона не так давно – пожгли крайние деревни, испугали неожиданностью и заперли всех выживших людей в крепостях. В одной из

них, Лишттасе, и служил Рунгос, которого в самом начале осады послали собирать уцелевшие припасы, подготовленные предусмотрительными крестьянами. И теперь, после двух недель поисков, его сразу же отправляли обратно...

“Старый гриб”, – думал капитан, направляясь к подземному ходу, подобных которому Болотный Легион много обнаруживал под основаниями брошенных крепостей. Перубор не шутил – и если он сказал, что ехать надо сейчас, то придется ехать, пусть даже и часа не прошло, как Рунгос под покровом ночи вместе с отрядом пробрался в крепость. Голова не отличался добротой и милосердием, и еще до нашествия ящеров вешал всех, кто ему не нравился – что уж говорить о тех, кто действительно провинился?

Может, при Вагнаре, когда основы выборов начальников только зарождались, Перубора и удалось бы сместить, но сейчас его власть в округе стала слишком сильна. Сгнила где-то система ниргамедского графа, и сохранялась лишь в Ниргримлаоне, но никак не на окраинах.

Рунгос дошел до группы людей, сидящих около входа в небольшую башню в форме спирали. Кто-то из них ел, некоторые дремали, приходя в себя. Когда капитан подошел, то не стал долго юлить.

– Ну что, – выдохнул он обреченно, – крепости нужна еще еда. Нас снова отправляют за ней.

Воины лишь коротко выругались, но не противились, прекрасно осознавая важность поручения. Но капитан вовсе не

был столь спокоен, и в душе придумывал для Перубора самые страшные смерти.

Ведь голову, несмотря на возраст и наличие супруги, тянуло к жене Рунгоса. Поэтому Перубор при любом удобном случае отправлял капитана прочь из крепости, как, например, сейчас.

– Эй, Рунгос!

Капитан обернулся и увидел, как, переступая через спящих, к нему идет дородная женщина. Капитан узнал ее – это была младшая сестра Перубора, Зокеха.

Подойдя, она протянула одному из солдат торбу.

– Это вам поесть, – пояснила она, откидывая назад толстую рыжую косу, – А это тебе попросили передать, Рунгос.

В руках капитана оказался маленький красный платочек, расшитый синими нитями. Рунгос поблагодарил кивком, в его душе мгновенно потеплело.

– Сказала, чтобы ты берег себя, – продолжила Зокеха.

– Как она? – поинтересовался Рунгос.

– С ней все хорошо, не волнуйся. Перубор в своей комнате сидит, не до развлечений ему сейчас.

– Ну и слава Щертерегу, – выдохнул капитан, мгновенно поняв, что сестра головы хотела сказать ему.

– Ну, в добрый путь, – подвела итог Зокеха и обратилась к тем охранникам, что играли в кости, сидя около запертой двери в башенку, – Эй, люди, пустите их опять.

– Проходите, – сказал охранник, – И давайте там, ну...

поосторожнее.

Никто из отряда Рунгоса ему не ответил – все молча поднялись и вошли в темноту прохода, не оборачиваясь. Дверь за ними закрылась.

Идти приходилось на ощупь, но воины Рунгоса хорошо знали путь, и потому шли быстро и уверенно. Капитан двигался впереди всех, нервно теребя в пальцах платок.

Вскоре они приблизились к выходу, снаружи замаскированному мхом. Рунгос прислушался, но в ушах раздавалось лишь его сердцебиение да тяжелое дыхание стоящих позади – снаружи было тихо. Глубоко вздохнув несколько раз и успокоив непроизвольную дрожь в руках, капитан осторожно открыл дверь.

Стоило им крадучись выйти и добраться до ближайших кустов, как тишина ночи сменилась диким шипением. Рунгос выхватил меч и увидел, что его отряд окружили ящеры, которых было куда больше. Живыми они выглядели еще отвратительнее, чем мертвыми – с раскрытыми пастьями, скользкими, шевелящимися телами и змеиными глазами, они больше походили на демонов, чем на созданий из плоти и крови. Каждый из них был вооружен чем-то вроде короткого копья, а некоторые восседали на четвероногих тварях, больше всего напоминающих больших крокодилов на длинных, мускулистых лапах.

Исход битвы был предрешен. Рунгос безнадежно рванул в самую толпу шипящих врагов, одной рукой орудуя мечом,

а другой крепко-накрепко сжимая свой платок. Ни один из его спутников не повернул и не попытался бежать. Все они навалились на ящеров с отчаянной, бессмысленной храбростью.

Их бешеный натиск встретила мгновенно выстроенная стена из копий, а сидящие верхом ящеры принялись стрелять по противникам из коротких луков. Рунгос налетел на первое чешуйчатое тело, полоснул по желтоватой груди и толкнул левой рукой. Неожиданно на его голову обрушился сильный удар, от которого в глазах капитана потемнело, и он упал, уткнувшись лицом во влажную грязь. Кто-то наступил ему на спину и ткнул чем-то острым в шею, не давая подняться. Рунгос попытался нащупать выроненный меч, но лишь напрасно заскреб пальцами по траве. Где-то вверху слышались крики и шипение.

Когда они прекратились, капитана подняли, вытерли лицо противной чешуйчатой лапой, лишь размазав всю грязь по лицу. Отплевавшись и кое-как открыв один глаз, Рунгос при свете факелов увидел на земле измазанные кровью трупы. Со злой ухмылкой он отметил, что рядом с телами в кожаных доспехах лежат и чешуйчатые, а это значило, что его воины не просто так отдали свои жизни.

Внезапно Рунгоса схватили за подбородок, с силой задрав голову. Около него стоял ящер с темной чешуей, весь в шрамах и порезах. Из одежды на нем, как и на всех остальных, была юбка из полосок кожи, но в темноте Рунгос не смог

определить ее цвет. Голову капитана он держал левой лапой, потому что правая была отрезана по локоть, и на ее конце с помощью странного крючка держалось длинное копьё с полоскавшимися на нем тряпками ярких цветов.

Некоторое время ящер молчал, лишь буравил человека своими немигающими глазами. Неожиданно кожа на его висках зашевелилась, словно бы по воде пошли круги, и в голове Рунгоса раздалось гулкое:

– Ты хочешь жить?

Голос был странен. Он не выражал не одной эмоции, был монотонным и нечеловеческим – Рунгос не знал, как это охарактеризовать, да и не до того ему было. Его внезапно бросило в дрожь. Перед глазами начали вставать картины прежней жизни, он вспомнил все радости и горести того, что было раньше. Милое лицо жены всплыло в его голове, столь прекрасное и родное. Нет, он не был готов потерять все это, и в капитане вспыхнуло неистовое желание жить. Желание мгновенно захватило власть над телом и разумом, и потому Рунгос утвердительно кивнул, не способный даже пошевелить тяжелым и сухим языком.

Ему ничего не сказали, принявшись грубо связывать руки. В голове капитана гудела, отдаваясь эхом в висках, лишь одна мысль: “Я не умру”.

* * *

– Ты опять не спал?

Кратисс мотнул головой, стараясь стряхнуть одолевающие его мысли, и повернулся. Его супруга приподнялась на кровати и морщила носик, глядя на короля сонными глазами.

– Я не устал, – ответил Кратисс. Лицо Мелиты посерьезнело, стало строгим и одновременно печальным.

– Не ври мне.

Он мог бы начать спорить, но не хотел начинать ссору. Кратисс понимал, что она волнуется за него, но у него и верно были важные дела. Поэтому король притворно склонил голову и смолчал, будто признавая ее правоту. Ему было стыдно, что он заставил Мелиту беспокоиться, и корил себя за то, что под утро не лег в постель хотя бы для вида.

Свет зари падал на ткани пестрых одеял и распущенные волосы королевы. Она смотрела в серый потолок и думала о том, согласится ли ее муж на предложение Касифа?

Одевшись, Кратисс подошел к жене и, наклонившись, крепко поцеловал ее, после чего вышел из покоев.

Кивнув стоявшему около двери стражнику, болотный король начал спускаться по каменной лестнице, барабаня пальцами по прохладному поручню. Здания, построенные ниргамедцами, обладали этой чудесной особенностью – в них не чувствовалась та духота, что царила на болотах.

Навстречу Кратиссу шли два прислужника, несшие подносы с едой. Король знал, что это был завтрак для него и для

Мелиты, но есть ему не хотелось. Кратисс молча взял одну из тарелок и пошел дальше, не обращая внимания на недоуменные взгляды слуг. Ни к чему Мелите беспокоиться еще и из-за того, что ее муж не ест. С такими мыслями король, пройдя две галереи, поставил тарелку на одну из скамеек – ему было прекрасно известно, что быстро найдутся те, кто это съест. Чувствуя внутри одновременно угрызения совести и облегчение, Кратисс продолжил свой путь.

Каждая из двух пирамид скрывала за своими стенами из толстых каменных блоков многочисленные галереи и коридоры, и когда рабочие Болотного Легиона возвели сверху привычные им крепости, то продолжили подобную систему, из-за чего весь замок казался единым целым.

Внутренняя обстановка дворца красноречиво говорила о вкусах предыдущих правителей Болотного Легиона. Так, скелеты обитателей Великой Топи были страстью короля Ангури, а вот статуи горгулий на поручнях и стенах особенно любил Ломас. Сразу становилось понятно, что жители болот, постоянно борясь с различными тварями, стремились сохранить свидетельства своих побед над ними.

Кратисс шел не торопясь, по-прежнему погруженный в думы. Мимо него с поклоном прошли двое слуг, несших на очередную чистку королевские металлические доспехи, принадлежащие еще графу Вагнару.

В начале своего заселения люди мятежного графа поняли, что найденные в Великой Топи залежи болотной руды, ко-

торая к тому же была некачественной, не могли удовлетворить потребности целого народа. Добыть же железо, торгуя с Империей, было невозможно – и даже не из-за враждебных отношений, а из-за того, что путь на север был потерян. Во время исхода беженцами руководил сам Вагнар, и только он знал, где находится нужное ущелье. А другие в то время и не помышляли о возвращении.

Поэтому если оружия и инструментов у Болотного Легиона пока что было достаточно, то доспехов (да и вообще одежды) не хватало катастрофически, и изгнанникам пришлось проявлять смекалку.

* * *

– Это получилось! Получилось, во имя Щертерега!

Оторвавшийся от кружки мутной браги Блег посмотрел на радостно подпрыгивающего мастера – невысокого старичка с ухоженной бородкой и причудливой шапочкой на голове. Откуда-то сверху доносились крики и стук многочисленных молотов.

– Ты только взгляни, Блег! – голос мастера дребезжал сильнее обычного, – Нет-нет, подойди, дубина! Ведь тут есть и твоя заслуга.

С неохотой отставив кружку, громила поднялся с табурета, почесывая красную прыщавую шею. Подойдя, заглянул через плечо мастера и увидел лежащую на столе зеленую ко-

жу, которую его начальник сейчас увлеченно тыкал ножом.

– Гляди, гляди, Блег, – шептал старик, облизывая губы, – С каким трудом она режется! Я достиг цели. Через два года, долгих года усилий и страданий я, мастер Фериц, получил то, что так необходимо доблестному Болотному Легиону! Вот, смотри, – он начал тыкать пальцем, – кожа существа, названного летэвскими ведами^{9*} как *браахлэмс*. После дубления только она, – он указал на стену, где были развешаны другие кожи, для Блега не отличимые друг от друга, – смогла стать такой, какая нам нужна. Она гибка, – он продемонстрировал свои слова, согнув несколько раз край кожи, – и прочна. Ну-ка, попробуй ее порвать! Давай!

Блегу хотелось выпить и подремать, но приказы мастера нужно исполнять, дабы не лишиться должности слуги – а это гораздо лучше, чем трудиться на стройке. Поэтому он подчинился. К великой радости мастера, кожа не порвалась и даже не треснула под сильными руками громилы.

– О да, – бормотал Фериц, пока Блег уныло шагал обратно в свой угол, – Пройдет совсем немного времени, и мое изобретение прославит меня! Владыка по достоинству оценит меня и мое творение, потому что я принес спасение Болотному Легиону. О, – старик начал говорить еще быстрее, глаза его засверкали, – эти болота были посланы мне! В них столько загадок и тайн! И я, я – Фериц! – открою их все. А сейчас, – сказал он, набрасывая на плечи плащ, – пора идти

⁹* учеными.

к Вагнару. Блег, оторвись уже от своего пойла, бери кожу и иди за мной!

С мысленным проклятием Блег, едва усевшись, снова поднялся. Сейчас он больше всего желал только одного – чтобы стены строящегося Ниргримлаона обрушились и завалили и Ферица, и его треклятую кожу, и весь Болотный Легион с его нуждами, позволив тем самым ему, Блегу, насладиться, наконец, своей брагой.

* * *

Никто не помнил имени того великого человека, который придумал столь практичный доспех, но его часто поминали добрым словом. Животных, кожу которых начали активно использовать еще с тех пор, прозывали болотными овцами (хотя на обычных овец они походили весьма слабо). Это были четвероногие рептилии, достигавшие высотой человеческого роста, с мощными лапами, толстым коротким хвостом и заостренной плоской мордой, щеки которой были усеяны короткими шипами. Они были послушны и глупы, и ничего не стоило приручить и разводить их – не только из-за кожи, но и из-за мяса, которое оказалось весьма недурным на вкус. А среди молодежи очень быстро стало модным делать себе кожаные шлемы в форме голов каких-либо экзотических тварей.

Но самому Кратиссу были положены прочные и изукра-

шенные железные доспехи – их в его королевстве передавали из поколения в поколение как реликвию, и давали избранным королям как один из символов власти, из-за чего за ними бережно и тщательно ухаживали.

“А ведь в битве они были бы бесполезны”, – подумал Кратисс, подходя к массивной двери с распахнутыми створками. Кивнув двум стражникам, дежурившим рядом, король вошел внутрь и поприветствовал ждущих его советников. Сзади тут же послышался тяжелый стук закрываемых створок.

В большой комнате, залитой утренним светом, его ждали трое. Ближе всех к Кратиссу сидел кучерявый мужчина с кустистыми темными бровями, в нетерпении кусавший нижнюю губу и иногда дергавший себя за длинный обвисший ус – обычно правый. Это был Барнуг Дорго, мужчина известный и любимый народом, потому что все знали о его доблести и верности Болотному Легиону.

Второй советник был невысок, а его лицо почти полностью скрывала длинная и ухоженная борода и причудливо завязанный тюрбан из белой ткани, резко контрастирующий с черным цветом волос. Из-под густых бровей блестели, словно угольки, небольшие темные глазки. В задумчивости бородач поигрывал висевшими у него на груди многочисленными амулетами и талисманами, которые от этого мелодично звякали. Его звали Касиф.

К нему Кратисс не испытывал симпатии. Для Касифа познание окружающего мира было важнее всего, и ради новой

информации он мог легко пренебречь насущными проблемами окружающих. Подобное равнодушие к другим сильно раздражало короля, но знания мастера были действительно огромны, и он приносил королевству немало пользы.

Третьим советником был миниатюрный дракон, который, встав на задние лапки, не достал бы и до пояса взрослому человеку. Темно-зеленая чешуя покрывала все его тело, и после каждого движения перепончатых крыльев по ней пробегали разноцветные искры. Хвост, по длине равнявшийся всему телу, от ожидания непрерывно рассекал воздух.

Слуги принимали его просто за ручного зверька с болот, и лишь Кратисс, Мелита и два вышеупомянутых советника знали, что имя этого дракончика – Ранторил, и что он последний (из известных) представитель загадочного семейства колдовских драконов. В процессе эволюции они, в отличие от своих крупных сородичей, избрали не огненное дыхание и могучие размеры, а великолепные магические способности. Это позволило им мастерски чаровать, и ни один, даже самый сильный маг, не смог бы сравниться с этими созданиями.

Дело в том, что магия Дестримора жестока – за каждое заклинание, даже самое легкое, требовалась часть жизненной энергии. Чаще всего начинались проблемы со здоровьем, поэтому маги, особенно сильные, долго никогда не жили. Даже чародеи летэвов не являлись исключением. И лишь колдовские драконы могли творить чары сколько угодно – у них, по-

видимому, был иммунитет ко всем побочным действиям магии. Но природа всегда находится в равновесии, и возможности этих существ настолько специфичны, что редко когда находят себе применение.

С Ранторилом Кратисс был знаком дольше, чем со всеми остальными советниками. Его король знал с детства, и при этом о странной дружбе другим ничего не было известно – мальчик превосходно хранил свои секреты. А по достижении им в четырнадцать лет совершеннолетия Кратисс поставил свою семью перед фактом, и с тех самых пор о Ранториле знали все. Знали, как уже говорилось, с маленькой поправкой – никто и понятия не имел, что дракончик является разумным существом.

Когда Кратисс сдержанно поприветствовал своих советников, именно Ранторил первым нарушил тишину. Дракончик не говорил в привычном понимании этого слова – его челюсти и язык не были приспособлены к речи, и поэтому его голос, способный без труда выражать любые эмоции, раздавался прямо в головах тех, кто находился рядом.

– Кратисс, – заявил он, пока король садился в свое кресло, – прежде чем мы начнем говорить о проблемах королевства, я бы хотел поднять другую тему, не менее важную. А именно – твоё здоровье.

Барнуг и Касиф согласно и горячо закивали. Ранторил тем временем развил свою мысль:

– Мы знаем, что ты не спишь и мало ешь, это видно по

многим признакам. Ты еще в расцвете сил, и тебе может казаться, что твое тело способно справиться со всем, но это не так. Долгая бессонница может привести к истощению и другим проблемам.

“Как же они назойливы, – подумал король с легким раздражением, – Их забота уже утомляет”.

– Ранторил прав, – проговорил Касиф глухо, – Ты не спал. Если хочешь, я могу приготовить для тебя настой...

– Нет, – решительно мотнул головой Кратисс, – Спасибо, но я не доверяю зельям. При всем моем уважении к твоему мастерству, Касиф.

Мастер лишь поджал губы.

– Есть новости? – спросил король, желая перевести беседу в деловое русло.

– Пока что все тихо, – задумчиво сказал Барнуг, голос которого был низким и глубоким, – Ящеры стоят осадой под Лишттасом и до сих пор не смогли его взять. Мобилизация продолжается, отряды воинов идут на сборный пункт. Крепость сможет продержаться до нашего прихода, хотя их голова, Перубор, просит поторопиться.

– Мы не можем, – возразил Ранторил, – По донесениям, ящеров много, и в нашем походе к крепости понадобятся все силы. Нам необходимо разбить их одним решительным ударом, потому что мы не выдержим длительной войны.

– А где взять новых бойцов? – мрачно спросил Кратисс, – Эта проклятая хворь ударила по людям очень сильно. Опол-

ченцев мало, деревни стоят заброшенные. Вы выяснили, из-за чего произошла эпидемия? Она может распространиться дальше?

Касиф, к которому в первую очередь был адресован вопрос, покачал головой:

– Я и мои помощники ничего не смогли узнать, ведь для ответа нужно идти в центр зараженной территории. По признакам эта хворь, возможно, связана с теми аномалиями, что происходили в графстве Ниргамед...

– Невозможно, – перебил Барнуг, – Нет никакой связи...

– Это, – негромко, но твердо сказал Касиф, – лишь предположение. Увы, но следует лишь смириться с этой проблемой и быть готовыми при малейшем подозрении закрыть на карантин новые территории.

– До тех пор, пока карантинной линией не станут стены Ниргримлаона? – съязвил Ранторил.

Кратисс жестом велел дракончику замолчать и медленно произнес, внутри него неожиданно вспыхнуло раздражение:

– Слишком уж со многим нам приходится бороться! Я каждую ночь пытаюсь придумать хоть что-то, что способно помочь нам, но ничего не приходит на ум! О, темные омуты, это невыносимо!

Он тут же устыдился своей вспышки, но советники понимающе промолчали. В тишине Кратисс оглядывал обстановку комнаты – такую знакомую и привычную. Подобные Советы проходили раз в неделю, на рассвете, и все здесь было

до мелочей известно: три мягких кресла – настоящая роскошь для Болотного Легиона, небольшой столик посередине и несколько барельефов между окнами.

– Но ящеры... – промолвил Кратисс, – самая большая наша проблема. Как бы мы не стремились соединиться с болотами, именно ящеры их истинные хозяева. Они приспособлены к жизни в Топи, удивительно ли, что они побеждают? Поэтому дело не в том, сколько легионеров мы отправим на войну. Дело в том, что мы этими легионерами будем делать. Ведь за тот месяц с небольшим, как ящеры появились на наших границах, мы не смогли удержать Тонтир с Альтидсом. И, как мне кажется, не в последнюю очередь из-за того, что мы ничего о них не знаем. Подумайте сами – мы придем под Лишттас, даже не зная способностей врага.

– Об этом уже подумали старшины, – напомнил Барнуг.

– Ах да, – король кивнул и обратился к Касифу, – Следующее заседание со старшинами пройдет через три дня. Они просили, чтобы ты собрал и зачитал им все известные знания о том, как можно победить ящеров с учетом всего того, что мы знаем.

– Но ведь мы все равно не сможем узнать, – возразил дракончик, – чего ящеры хотят! А это куда важнее.

– Нас всех убить, и тем самым освободить болота для себя, – резко ответил Барнуг, – Это-то, по-моему, очевидно.

– Я имею в виду, – раздраженно сказал дракончик, – какие у них планы? А кроме того – почему они не взяли крепость

штурмом, как предыдущие?

* * *

– Великий вождь, я прибыл по Вашему приказу, – произнес Раханари почтительно, глядя на ящера, склонившегося над картами, сделанными из пластин зеленоватого металла.

Вождь Шорлен – высокий, поджарый, весь обвешанный замысловатыми костями, висящими на красных ремнях, держался гордо и уверенно. Так держатся те, кто, повелевая, знают, что их приказы исполняют. Из-под короны – огромной гривы густых длинных красных нитей с вплетенными в них косточками и бусинками – блестели глаза, а вернее, глаз, потому что в левую глазницу была вправлена крупная красивая жемчужина.

Когда он заговорил, кожа на его висках завибрировала:
– Взгляни сюда.

Как и все ящеры, вождь говорил с помощью мыслей, и его властный голос звучал, казалось, во всем теле Раханари. Именно это, кроме, разумеется, положения, отличало Шорлена от остальных.

Все общество ящеров говорит друг с другом с помощью мыслей, однако почти все они дополнительно пользуются жестами, позами и шипением для передачи эмоций, так как их голос всегда сух при разговоре. Но “лучшие ящеры”, такие, как, например, Шорлен, обладают возможностью за-

ставлять своих собеседников чувствовать эмоции одними лишь мыслями. А кроме того, он, как и немногие другие, обладал способностью говорить с представителями других рас – он сразу же понимал их речь, а собственные мысли перестраивал под их язык. “Лучшими ящерами” становились от рождения, и это играло важную роль для получения власти.

Раханари подошел и взглянул на карты, разложенные на удобном пне, легко заменяющем стол.

– Это, – продолжил Шорлен, – карта той крепости, которую мы осаждаем. Судя по всему, раньше она именовалась Шисихгниис. Здесь, как ты видишь, указаны подземные ходы под стенами – южный и западный. С их помощью ты должен в ближайшие дни захватить крепость.

Раханари лишь поклонился, искренне польщенный оказанным ему доверием. Он был счастлив служить столь великому и удачливому вождю, и потому был готов взяться за дело хоть сейчас.

– Я дам тебе отряды моего гнезда – их хватит, тем более что нападать ты будешь неожиданно.

Слушающий Шорлена Раханари нервно сглотнул, понимая, какая ему оказана честь. Он знал, что защитники крепости, которую ящеры осаждали половину лунного возрождения, иногда выбирались из-за стен и рыскали по окрестностям, добывая себе еду. Это значило, что им известен как минимум один подземный проход, а значит, нападение будет не настолько уж внезапным.

– Да, – Шорлен словно угадал его мысли, – возможно, будут потери. Но главное – захватить крепость.

Его слова были прерваны вошедшим в шатер ящером.

– А, Сехек, – тут же обратил на него все внимание Шорлен, – Что-то случилось?

Ящер, одна рука которого была обрезана по локоть, поклонился и ответил:

– По твоему приказу ночью мы взяли пленника. *Цроц* снова вылезли из подземного хода.

Услышав это, Ранахари приободрился, и вождь тут же озвучил его мысли:

– Теперь, когда *цроц* только вышли из крепости, их не будут ждать обратно в ближайшее время. А это значит, что у тебя гораздо больше шансов взять Шисихгниис, Раханари.

– А мы? – спросил у Шорлена Сехек.

– А мы, – ответил вождь, скрещивая лапы на груди, – отправляемся на закат, как я и планировал. Раханари, когда ты займешь крепость, то останешься в ней.

Раханари лишь поклонился.

Подул ветер, заставив колыхаться стенки шатра. Висящие на входе амулеты зазвенели, отгоняя духов холода. Шорлен некоторое время смотрел на карту, словно забыв о стоящих рядом с ним, потом встрепенулся и приказал:

– Покажите мне пленника.

Когда они вышли из палатки, взору вождя открылся лагерь его войска, растянувшийся перед крепостными стена-

ми. Скоро оно уйдет отсюда и направится дальше, как того и хотел Шорлен, но для успешного выполнения всех планов ему нужен был *цроц* – тот самый, который сейчас стоял на коленях в окружении застывших ящеров.

Когда Шорлен подошел ближе, то заметил, что пленный дрожит, со страхом косясь на окружающих его чешуйчатых воинов.

Увидев идущего к нему одноглазого ящера со странным убором на голове, Рунгос (а это был он) задрожал еще сильнее. Противоречивые мысли бессмысленно и неожиданно появлялись и исчезали, из-за чего голова сильно болела. “Поскорее бы уж убили, дерьмоящеры... Хотя нет, взяли ведь они меня в плен, значит, для чего-то да нужен... Нужен, нужен! А коли нужен, то точно жить буду... Да нет, какое там, просто они решили меня пытаться, пытаться, а уже потом убить... Лучше бы уж там, вместе со всеми...”

Дальнейшие раздумья оборвались, потому что в этот момент страшный одноглазый ящер подошел совсем близко. Кожа на его висках завибрировала, и в голове Рунгоса раздался новый голос – более мелодичный, чем у копыеносца:

– Я хочу, чтобы ты служил нам. Сообщи все, что знаешь о своих одноплеменниках. Опиши стоянки и крепости. Скажи все, что мы потребуем. Иначе – уьем. Думай, и думай быстро.

Надежда в груди Рунгоса снова зажглась. Ему оставят жизнь, он будет жить! Быть может, ему даже удастся сбежать

и увидеть тех, кого он любит. Тогда он еще и доставит королю Кратиссу важные сведения. Да, придется рассказывать ящерам то, что они просят, но не проверят же они все его слова...

– Я согласен. Я буду говорить. Только... – голос дрогнул, – только не убивайте...

Глава 4

“Одним из самых красивых зданий в Корлимаре является Лечебница. Это величественное здание ранее служило храмом богини Фридиассы, но после распада Империи пришло в упадок. Во время своего правления Его Величество Дриквельс, сын Хортамека, подарил ее летэве Ифисе в вечное пользование. Медики Лечебницы славятся своей исполнительностью и мастерством...”

“Достопримечательности города Корлимара и окрестностей”, мастер Зламелст, декан кафедры истории Корлимарского университета

“Во всех книгах и путеводителях прославляется лечебница Фридиассы, или, как ее зачастую называют, просто Лечебница. Хвалятся архитектура, стиль, служащие и прочее. Но на самом деле единственная вещь, на которую действительно стоит посмотреть – глава Лечебницы летэва Ифиса. О ней тоже пишут, называя ее мастером своего де-

ла. Это, конечно, так, но читателю стоит обратить внимание на другое. Ибо Ифиса – что твое яблоко: сладкое, соблазнительное и доступное, только протяни руку да возьми”

“Истинный Корлимар. Полная версия”, автор неизвестен

Солнце поднималось к зениту под стук молотков, скрип лебедок и визг пил. Горожане, пережившие вчерашний налет дракона, чинили и латали свой город – там, где это было возможно и не лишено смысла. В расположенной недалеко от дворца и Императорской площади лечебнице Фридиассы стонали от боли пострадавшие гвардейцы (основные жертвы налета) и простые люди, получившие раны от огня и давки. За пациентами присматривало с два десятка врачей под предводительством летэвы Ифисы – фигуры в некотором плане легендарной.

По всему Дестримору от Оргамеонии до Маргитории о ней ходило немало слухов. Их породил тот факт, что в свою Лечебницу Ифиса принимала исключительно врачей-мужчин. Праздные размышления о том, почему она поступала именно так, обычно приводили к единственному и довольно пошлomu выводу: помощники летэвы не только изготавливали зелья и ухаживали за больными, но и ублажали свою начальницу. Справедливости ради следует отметить, что вывод этот был верный.

Но все сплетники мгновенно затихали, стоило им подхва-

тить какой-либо недуг. Ведь Ифиса умела лечить, и, что важнее, лечила большинство известных болезней, а при крупном везении – даже те, которые принято считать смертельными. При этом летэва, сталкиваясь с самыми жуткими и отвратительными случаями, чувствуя горе многих, оставалась веселой и жизнерадостной. А за успешную работу Лобрив и его предки щедро платили ей, да и вылеченные пациенты обычно не оставались в долгу.

По всему выходило, что не может быть в Дестриморе существа более облаканного жизнью, чем эта летэва, и поэтому для всех была Ифиса легендой, символом и олицетворением легкости бытия.

Сейчас же легенда, символ и олицетворение, заправляя выбившийся светлый локон под золотую сеточку для волос, осматривала одного из гвардейцев Темилиана. Он пострадал достаточно сильно, получив серьезное сотрясение мозга, из-за чего почти не приходил в сознание. Кроме того, Ифисе крайне не нравилась набухающая гематома с темной кровью – ее беспокоило, что это может привести к более серьезным последствиям.

Поэтому лекарка сочла необходимым, чтобы Добек (так звали раненого темилианца) остался на некоторое время в Лечебнице. Но согласие командующего гвардией Ифисе пришлось выбивать с руганью – разумеется, тихой, чтобы не разбудить раненого.

Командир никак не мог с этим согласиться:

– Добек – темилианский гвардеец, – гудел он, глядя на лекарку смущенным и одновременно упрямым взглядом, – Не полагается ему из-за ерунды лежать в Лечебнице. Ему служить надо.

– “Ерунды”? “Ерунды”?! – Ифиса шипела как змея, еле сдерживаясь, чтобы не закричать, а то и огреть собеседника чем-нибудь, – Да у него же сотрясение, и я даже не говорила с ним еще! Может, у него будет наблюдаться потеря памяти, а вы его в седло посадить хотите? Да у него тошнота и слабость будут продолжаться еще долго! Нет, пусть даже приказ от Ансмата придет, я его не отпущу, мне ведь прекрасно известно, какие у вас там в Темилиане коновалы!

– Ну, это вы потише, госпожа лекарша, – командир наклонил голову, как приготовившийся к атаке козел, – И на наших целителей не грешите. Мы того и гляди обратно двинемся, а он, – темилианец указал на спящего раненого, – возлеживать здесь будет, словно король?

Ифиса уперла изящные руки в бока, прищурилась. Ее синие глаза ярко пылали из-под ресниц.

– Пошел вон, кретин, – тихо и властно отчеканила она, – Тут Лечебница. Я – лекарь. Этот гвардеец еще сможет владеть оружием, но для этого некоторое время ему придется по-ле-жать. Понимаешь?

Судя по глазам, понимал он не очень.

– Командир гвардии, – неожиданно улыбнулась Ифиса, обворожительно и одновременно зловеще, – ты готов ли-

шиться своего звания из-за своей же глупости? Как ты думаешь, понравится ли королю Ансмату, если один из членов его почетной гвардии, который смог бы продолжать службу еще долгие, я полагаю, годы, станет калекой по вине своего недалекого начальника? Мне кажется, – как бы между прочим отметила она, с деланной задумчивостью глядя в потолок, – что многие захотят командовать темилианской гвардией... А? Как думаешь? Кстати, как твое имя? Я же должна буду отчитаться королю Ансмату и указать на тебя? Или мне описывать внешность?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.